

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)

Факультет истории и права
Кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

Сельское хозяйство Западной Сибири в конце XIX-начале XX в.

Дипломная работа

Выполнил студент
И-ИЮ101

**Смирнов
Сергей Владимирович**

_____ (подпись)

Научный руководитель:
канд.истор. наук, доцент

**Мезенцев
Роман Викторович**

_____ (подпись)

Оценка _____

« ____ » _____ 2015 г.

Подпись _____
(Председатель ГАК)

Допустить к защите
Зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.
**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность.

Аграрная проблема продолжает оставаться одной из главных в исторической науке. Исторический опыт решения аграрно-крестьянского вопроса в рассматриваемый период имеет непреходящее значение для поиска альтернативных путей в современном переустройстве деревни.

Западная Сибирь (современная территория шести крупнейших областей, двух округов, края и республики) к 1917 году была наиболее

освоенным и заселенным районом Сибири и Дальнего Востока: из 11,3 млн.

всего населения здесь проживало 8,3 млн. человек¹. Западносибирский регион был типичной аграрной окраиной Российской империи. Около 95%.

1. Аграрная политика правительства его населения было связано с сельскохозяйственным производством.

2. Землевладение и землепользование Интенсивная колонизация южных районов Западной Сибири в конце

3. Производительные силы сибирской деревни в кон. XIX - нач. XX XIX - начале XX вв. не могла не наложить отпечаток на социально-

экономические процессы в деревне и на его отношение к аграрной политике

4. Развитие кооперации правительства.

ГЛАВА II. КАПИТАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ XX В. .

История сибирского крестьянства предреволюционного периода совершенно обоснованно привлекала и продолжает привлекать внимание

историков-сибиреведов. Причем, если досоветская и советская историография до начала 50-х гг. была представлена в основном

1. Рост торгового земледелия и скотоводства экономическими исследованиями, то в последующем не только расширяется

2. Применение техники и наемного труда 3. Социальные процессы в западносибирской деревне в начале XX в.

круг исследуемых проблем, но и усиливается интенсификация научно-исследовательской деятельности. Это нашло выражение в

совершенствовании теории и методики научных исследований, разработке

новых научных проблем.

Историография.

Дооктябрьская историография социально-экономического развития Западной Сибири (см.: Историография Сибири, работы В.Г. Горюшкина,

Н.Ф. Иванцовой)² была представлена, исследованиями Н.М. Трегубова, В.Я.

Нагнибеды и др., которые носили в основном истоковедческий характер. В

них обработан большой статистический материал, касающийся классового

интерес и некоторые выводы авторов. В частности, В.Я. Нагнибеда, исследуя хозяйства старожилов и переселенцев, отмечает, что, несмотря на большую состоятельность, старожильческие хозяйства также как и другие оставались трудовыми, не капитализированными.

Существенно дополняло изучение социально-экономических процессов, происходивших в сельском хозяйстве Западной Сибири, исследование аграрной политики царского правительства. В начале XX века оно становится ведущим направлением буржуазного сибиреведения. В печать выходило большое количество ведомственных изданий. По духу и идеям к ним примыкает «Азиатская Россия» и «Вопросы колонизации» с серией статей, поддерживающих аграрный курс правительства³. В центре внимания последнего были вопросы переселенческой политики правительства. Эти издания для современной науки ценны наличием громадного фактического материала. Авторы, как правило, идеализировали аграрную политику царского правительства и отрицали актуальность аграрного вопроса.

Теоретические положения либеральной историографии аграрной политики царского правительства была разработаны в исследованиях Н.Н. Козьмина, А.А. Кауфмана, Н.Г. Огановского. Например, А.А. Кауфман, в частности, видел сущность аграрного вопроса в крестьянском малоземелье, основной причиной которого считал не наличие помещичьих земель, а низкий агротехнический уровень крестьянского хозяйства. По его мнению, решение аграрного вопроса было возможно путем дополнительного наделения крестьян землей и интенсификации их хозяйства. Заслугой А.А. Кауфмана является создание теории относительного и абсолютного малоземелья. В его исследованиях содержатся многочисленные, весьма ценные фактические данные и точные наблюдения. Особый интерес вызывает вывод А.А. Кауфмана о необходимости введения в Сибири частной собственности.

В критическом ключе рассматривалась аграрная политика

правительства в работах И.И. Попова, С.П. Швецова, Н.П. Огановского. Исследователи С.П. Швецов и Н.П. Огановский выступали против насаждения частной собственности и создания в Сибири хуторского и отрубного хозяйств. По мнению Н.П. Огановского, в ходе естественной аграрной эволюции крестьянство все больше будет обнаруживать способность к обобществлению, и главной задачей властей в этих условиях должна быть помощь в демократизации крестьянского хозяйства, то есть перевод его из мелкого индивидуального в крупное коллективное с передачей дела землеустройства и переселения в руки местных органов власти⁵.

Определенный интерес у дореволюционных исследователей вызывало широко развернувшееся кооперативное движение. В работах историков и экономистов подробно освещены вопросы возникновения кооперации, а также представлен большой фактический и статистический материал о ее деятельности. Большинство первых книг и статей о кооперации носили описательный характер. Для них была характерна идеализация кооперации, которая рассматривалась как проявление народной крестьянской самодеятельности. Авторы видели в ней средство мирного разрешения социальных проблем деревни и способ улучшения материального положения населения⁶.

В 20-х - начале 50-х гг. сибирские историки активно занимались изучением проблемы аграрно-капиталистического развития Сибири. Несомненной заслугой исследователей была постановка вопросов развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири, классового расслоения деревни, аграрной политики правительства.

Первые исследования советских историков представляют интерес, как работы, в которых обосновывается степень и тип развития капитализма. Ряд авторов, отметив рост крайних групп в деревне, во-первых, сделали вывод о более быстром и интенсивном процессе распада сибирского крестьянства на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих, в результате чего, по их

мнению, резко выделялся коммерческий, торговый характер зажиточного крестьянства, рельефнее выпячивались два противоположных полюса деревни - кулак и бедняк; во-вторых, впервые в литературе была высказана мысль о том, что для процесса развития капиталистических отношений в Сибири было характерно, скорее, мелкое и среднее капиталистическое хозяйство фермерского типа.

Обобщенную характеристику экономики Сибири периода капитализма, основанную на опубликованных материалах, дал в 40-х гг. П.И. Лященко⁷. Автор рассматривал Сибирь, как земледельческую колонию и полагал, что крестьянское хозяйство здесь было в основной своей части типично мелкотоварными. Подчеркнув, что степень применения машин в Сибири была выше, чем в Европейской России, а товарность хлеба значительной, П.И. Лященко первым из исследователей сделал вывод, что мелкотоварное производство может гарантировать высокий уровень развития производительных сил.

В 60-е гг. появляются первые диссертационные исследования и монографии, в которых в известной мере подводятся итоги изучения социально-экономических вопросов и вводятся в оборот новые архивные документы. В работе М.К. Ветошкина впервые был сформулирован вывод о развитии сельского хозяйства Западной Сибири по американскому пути, что обосновывалось отсутствием в этом регионе помещиков и преобладанием категории государственных крестьян, а также наличием большого колониального фонда, обеспечивавшего условия для высокой зажиточности западносибирских крестьян. Историк М.К. Ветошкин ограничивает проявление феодализма челябинским тарифом и засильем торгово-ростовщического капитала в деревне⁸.

Против одностороннего подхода, при котором феодально-крепостнические пережитки в Сибири игнорировались, выступил А.А. Храмов. В его диссертации обосновывалось их отрицательное влияние на капиталистическое развитие сельского хозяйства и положение крестьянства

Томской губернии, причем, подчеркивалось, что пережитки крепостничества в экономике сибирской деревни были не слабее, чем в надстройке, и крестьянство, накануне 1917 года, прежде всего, страдало от крепостнической эксплуатации. Исследователь заявил, что Сибирь являлась краем мелкого и среднего фермерского хозяйства и отметил преобладание эволюции фермерского типа. Анализируя вопрос разложения крестьянства, исследователь пришел к выводу, что оно было слабее, чем в Европейской России. Бедняцкие хозяйства, по его мнению, составляли около 60%, а кулацкие - 15-20%⁹.

После Октябрьской революции работа кооперации, особенно маслодельной, по-прежнему широко освещалась. Как и в дореволюционной историографии, кооперация рассматривалась источником улучшения материального положения крестьянства¹⁰. Примечательно, что в решении вопроса об отношении крестьян к земельной политике правительства исследователи единодушно подчеркнули, что крестьяне проявили полное безразличие к землеустройству, которое не создавало острых аграрных противоречий, а, следовательно, не вызвало и массового движения крестьянства на аграрной почве¹¹.

Наиболее результативными были для историков-сибиреведов 60-80-е гг. XX в. В эти годы осуществлялось фронтальное изучение событий в деревне Западной Сибири в начале века. Достигнутые коллективными усилиями результаты получили отражение в многотомном обобщающем труде «История Сибири»¹².

В связи с подготовкой обобщающего многотомного труда «История крестьянства Сибири», начиная с 1969 года, регулярно проводились конференции и симпозиумы, труды которых были изданы. Появилось несколько тематических сборников, посвященных проблемам истории сибирской деревни. Существенное значение для разработки крестьянской проблематики имел выход трудов по истории крестьянства. В них авторы комплексно и во взаимосвязи изучали производительные силы деревни,

производственные и социальные отношения, общественно-политическую и культурную жизнь¹³.

Особенно важную роль в развитии научных исследований сыграла современная историография по узловым проблемам истории, где раскрыты социально-экономические и общественно-политические условия Февральской и Октябрьской революций в деревне Сибири.

Особое внимание историков в 60-70-е гг. было уделено исследованию аграрного капитализма. Развернувшаяся дискуссия о типе аграрной эволюции и уровне развития капитализма разделила историков на две группы. Одни из них (Л.Ф. Скляр, И.М. Разгон, Л.Г. Сухотина, А.П. Бородавкина, Г.Х. Рабинович) полагали, что вплоть до Октябрьской революции в Сибири сохранялась система государственного феодализма, а аграрно-капиталистическое развитие шло по прусскому пути. Следует отметить, что указанные исследователи основной акцент переносят на феодально-крепостнические пережитки. В частности, Л.Г. Сухотиной, они усматриваются в податной системе, землевладении, землепользовании, в землеустроительной политике правительства. По мнению автора, государственная земельная собственность сохраняла феодальный характер, а сибирское крестьянство представляло собой феодально-зависимую категорию населения, находящуюся в подчинении у полукрепостнического государства¹⁴.

Другая группа ученых-аграрников (В.Г. Тюкавкин, Э.М. Шагин, Л.М. Горюшкин) считала, что в Сибири интенсивно шел процесс превращения патриархального крестьянина в буржуазного фермера¹⁵. Но внутри этой группы были известные расхождения во мнениях. Если В.Г. Тюкавкин утверждал, что капитализм в сельском хозяйстве Сибири развивался по американскому фермерскому пути¹⁶, то Л.М. Горюшкин и Э.М. Шагин, относя аграрную революцию Сибири в целом к фермерскому типу, в то же время признавали наличие здесь остатков феодальных отношений¹⁷.

Разделилось мнение историков по вопросу о темпах и уровне развития

капитализма в сельском хозяйстве Сибири. Историк Л.Г. Сухотина заявляет, что в Сибири в начале XX века капиталистический способ производства еще не сложился. Напротив, А.А. Храмов полагает, что в сельском хозяйстве Алтая развивались новые капиталистические отношения, но они не достигли уровня Европейской России в целом. В свое время, В.Г. Тюкавкин и Л.М. Горюшкин, напротив, пришли к выводу о преобладании в сельском хозяйстве Сибири капиталистических производственных отношений¹⁸.

Вопрос о путях развития капитализма в сельском хозяйстве тесно увязывается исследователями с проблемой рынка. Сторонники прусского типа аграрной эволюции обосновывают тезис об отсутствии сибирского рынка и господстве торгово-ростовщического капитала в деревне. В трудах В.Г. Тюкавкина и Л.М. Горюшкина, где с привлечением большого фактического материала раскрыты условия и процесс образования сибирского рынка, сделан вывод о высокой товарности производства. Кроме этого, авторы всесторонне раскрыли еще одну сторону процесса образования внутреннего рынка - расслоение мелких земледельцев на сельскую буржуазию и сельский пролетариат¹⁹.

В 60-х - начале 70-х гг. историки обратились к изучению социальной структуры сибирской деревни. Причем в 60-е гг. большинство исследователей придерживались мнения о том, что самой многочисленной социальной группой были середняки. В последующем, данные ученых о количественном соотношении различных социальных групп в сибирской деревне разошлись (Л.М. Горюшкин и Е.Я. Слепцов находят, что беднота составляла 47-48%, кулаки - 19-20%, середняки - 33-34%²⁰; Т.П. Жидков и В.И. Шишкин утверждают, что соотношение это было иным: 40%, 25%, 35%²¹), но все единодушно заявляли о преобладании бедноты.

В 60-80-е гг. значительно продвинулось вперед изучение различных аспектов аграрной политики царского правительства. Интерес представляют позиции историков в вопросах определения ее характера и последствий. А.Г. Сухотина считает ее крепостнической и подчеркивает, что она затрудняла

свободную капиталистическую эволюцию. С другой стороны, В .Г. Тюкавкин, А.А. Храмов отмечают, что аграрные реформы оказали существенное влияние на землепользование переселенцев и старожилов, на развитие капитализма в сельском хозяйстве²².

Анализ работ зарубежных историков по проблемам дореволюционного развития сибирской деревни и участия крестьянства в революции дан в работах Л.М. Горюшкина и Н.Я. Гущина²³. Прежде всего, это касается вопроса места Сибири в системе российского и мирового капитализма. Одни исследователи, сравнивая историю колонизации русскими Сибири и американцами западных земель США, противопоставляют демократизм сибирской жизни укладу Европейской России и находят много общего в развитии сельского хозяйства США и Сибири. Другие исследователи выступают противниками американизации сибирской дореволюционной истории. Сибирь, по их мнению, была обществом без демократических тенденций, существовавших на американском Западе, скорее, заявляют они, для нее было характерное одной стороны авторитарное правление, резкие национальные и классовые конфликты, а с другой стороны почти анархическая свобода²⁴.

Анализ развития сельского хозяйства в годы Первой мировой войны приводит зарубежных историков к выводу, что перед большевистской революцией сельскохозяйственное производство процветало, доказательством чему являлось развитие зернового хозяйства, маслоделия, кооперации, а также широкое применение машин. Примечательно, что, заявляя о наличии в Сибири в XX веке высокоразвитого производства, зарубежные историки отрицают факт роста капиталистических отношений и классового расслоения крестьянства. Различие отдельных групп крестьянства они видят в наличии в Сибири старожилов, переселенцев и казаков.

С учетом актуальности проблемы и степени ее изученности, определим цель и задачи исследования.

Целью данного исследования является изучение и раскрытие общего и особенного социально-экономических процессов западносибирской деревни конца XIX - начала XX вв.

Задачи исследования:

- проанализировать аграрную политику царизма в Сибири в рассматриваемый период;
- раскрыть формы землевладения и землепользования западносибирского крестьянства;
- определить уровень развития производительных сил и степень капитализации сельскохозяйственного производства;
- рассмотреть социальные процессы в западносибирской деревне в начале XX века.

Объект исследования — аграрный сектор Российской империи конца XIX - начала XX вв.

Предмет — сельское хозяйство Западной Сибири в интересующий нас период.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь, включая Тобольскую и Томскую губернии и Омскую область. Подобный подход обусловлен тем, что этот регион являл собой типичную окраину Российской империи, 95% населения которой было связано с сельскохозяйственным производством. На долю двух западносибирских губерний приходилось 4/5 всех посевных площадей и около 2/3 поголовья скота, они же давали стране большую часть валовой и товарной продукции.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX - начало XX вв., то есть период, когда происходит достаточно быстрый процесс перерастания незрелых форм капитализма в развитые, особенно после строительства Сибирской железной дороги, под напором усилившегося развития капитализма. В эти годы крестьянское хозяйство Западной Сибири устанавливает широкие прочные связи с мировым рынком, а также вырастает роль торгово-капиталистических форм и монополий. Это был период аграрных преобразований, сопровождавшийся бурным развитием кооперативного движения.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аграрная политика правительства

Западная Сибирь была наиболее освоенным и заселенным районом Сибири и Дальнего Востока. На территории более чем в 2,3 млн. кв. верст проживало 8,3 млн. из 11,3 млн. человек всего населения Сибири²⁵. К 1917 году почти 93% его было связано с сельскохозяйственным производством.

Колонизация Западной Сибири началась в XVII веке. В середине XVIII века к Российскому государству была присоединена территория Горного Алтая, а богатейшие земли Алтая были объявлены собственностью царствующей династии и переданы в ведомство Кабинета. В настоящее время в исторической литературе получил признание взгляд на Сибирь, как на окраину и колонию в экономическом смысле, это предполагает рассмотрение экономики края, как неразрывной части всего хозяйственного организма страны и исследование во взаимосвязи и взаимодействии процессов развития капитализма. Эти положения могут служить исходной базой для понимания сущности политики и, прежде всего, земельной политики царского правительства в Западной Сибири.

Аграрная политика правительства в конце XIX - начале XX вв. была весьма гибкой и зависела от общего курса самодержавия и широко развивающихся капиталистических отношений в центре и на окраине страны. Одним из средств стимулирования процессов развития капитализма в сельском хозяйстве стала переселенческая политика. До середины 80-х гг. переселения были своеобразной формой народной колонизации. До 1880 года за Урал проследовало 300 тыс. человек, до 3/4 переселенцев ежегодно оседали в Томской губернии, в частности, на Алтае²⁶.

В условиях большого наплыва и неустроенности прибывших в округ крестьян, Кабинет сначала ограничил, а с 1892 по 1896 гг. вообще запретил переселение на Алтай. Но и после этого переселенческое движение не

прекратилось. В 1885-1905 гг. число проследовавших в Сибирь составляло 1,5 млн. человек, то есть по 7 тыс. в год . Считаясь с этим, царское правительство было вынуждено 27 апреля 1896 года подписать положение «Об устройстве переселенцев». Данным распоряжением запрет на переселение в Западную Сибирь фактически снимался.

Учитывая, что на Алтай двинулся основной поток переселенцев, указами от 26 апреля и 19 сентября 1906 года правительство утверждает новые правила их устройства. Проведение столыпинской аграрной реформы с всесторонним поощрением переселений и значительным улучшением их организации привело к усилению переселенческого движения. Только за 1906-1910 гг. число переселенцев составило 2516 тыс. человек (по 600 тыс. в год), в 1911-1913 гг. их численность уменьшилась почти в два раза, но оставалась сравнительно высокой - в среднем по 270 тыс. человек в год²⁸ .

В колонизационный фонд поступали земли трех видов: оброчные статьи, отрезки от крестьянского землепользования свободные пространства, как правило, неудобные земли.

В годы нового курса аграрной политики большое внимание уделялось мероприятиям правительства по устройству переселенцев. Вся Западная Сибирь была разбита на переселенческие районы. Было создано специальное переселенческое управление по организации работ с переселенцами, были значительно увеличены ассигнования на их землеустройство. Как правило, до 2/3 переселенцев, переселялось к старожилам, остальные получали землю в неосвоенных местах, в специально создаваемых переселенческих поселках.

Несмотря на значительный объем работ, проведенных переселенческими организациями, решить полностью проблему устройства переселенцев не удалось. Так, в Алтайском округе, одном из главных переселенческих районов Западной Сибири, к 1907 году земельные наделы получили 403 770 душ мужского пола, которым было передано 6 млн. дес. земли, а неустроенными остались около 200 тыс. человек. За 1907-1911 гг. переселенцам округа было отведено 6600 тыс. дес. и за 1912-1915 гг. - еще

около 2 млн. дес. земли²⁹, но переселенческий вопрос так и не решили. Организации не успевали готовить земельные участки для вновь прибывающих. В 1907-1909 гг. численность переселившихся на Алтай составила 448 тыс. человек, а переселенческое управление сумело обеспечить землей 65% прибывших (2,3 млн. дес.). Земли передавались переселенцам в постоянное пользование и облагались налогом. За использование кабинетских земель государственное казначейство должно было уплачивать Кабинету в течение 49 лет по 22 коп. с десятины в год.

Большой наплыв переселенцев вынуждал правительство допускать условное зачисление их на земли, которые были намечены только в проектах. Переселенческий фонд, как правило, составляли залежные и расположенные в труднодоступных местах земли. Часто участки выделяли за сотни верст от населенных пунктов в безводных степях и тайге.

Устроенным переселенцам необходимо было обзавестись жильем, необходимым в крестьянском хозяйстве инвентарем, скотом. По средним расчетам в Западной Сибири для этого требовалось 150-300 рублей на семью³⁰. Устройство переселенцев на новом месте зависело не только от величины имеющихся у них денежных сумм, но и от места поселения. Трудно было положение новоселов на новых участках, легче тем, кто сумел поселиться в старожильческих селах, здесь они находили работу по найму, столь необходимую в первое время, мягкую пашню, обработка которой несомненно была легче, чем возделывание целины. Но в старожильческих селах для переселенцев устанавливалась значительная плата за приемные приговоры. Иногда, даже получив таковой, новосел оставался неполноправным членом общества.

Большинство исследователей отмечают значительное ухудшение материального состояния переселенцев по сравнению с их жизнью на родине. Например, Р.А. Мальков полагал, что правительство, направляя на восток переселенческие контингенты, ставило задачей обеспечить рабочей силой земледельческие округа Сибири, и все новоселы на местах водворения

оказались без земли и жилья, без средств к существованию³¹. Исследователь Н.Ф. Иванцова, ссылаясь на данные опроса переселенцев об оценке своего положения до и после переселения, полагает, что только 12% их стали жить хуже, чем на родине, у 11% экономическое состояние не ухудшилось, а у 77% стало лучше уже на второй год на месте нового проживания³². Правительство оказывало новоселам не только значительную материальную помощь, составлявшую в среднем 125 рублей на семью, но и помогало в строительстве новых дорог, через переселенческие организации снабжало улучшенными семенами, отпускало средства для приобретения сельскохозяйственных машин и орудий.

Уже через два-три года даже те переселенцы, которые являлись на переселенческие участки без денег, утверждает Н.Ф. Иванцова, обзаводились жильем, орудиями труда, а в старожильческих селах - приписывались к обществам³³.

Одновременно с переселением и устройством переселенцев правительство проводило в Западной Сибири и землеустройство местного населения. Историки-сибиреведы отмечают, что землеустройство было вызвано с одной стороны серьезными сдвигами в экономической жизни сибирской деревни, с другой - общими экономическими и политическими задачами, стоящими перед страной, в частности, в условиях широкого переселенческого движения нужно было создать колонизационный фонд; с третьей - в Алтайском округе путем создания оброчных статей и заменой подушного обложения поземельным правительство предполагало значительно увеличить доходы Кабинета. Наконец, обобщение количественных результатов поземельного устройства, являющимся одним из основных направлений аграрной политики правительства в начале XX века, было необходимо для определения влияния землеустройства на положение западносибирского крестьянства и выявления тенденций социально-экономического развития.

Сибирское землеустройство основывалось на ряде законоположений

1896-1899 гг. и в Западной Сибири оно осуществлялось в рамках закона от 23 мая 1899 года «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской». Закон сохранял право собственности государства и Кабинета на землю. В пользование крестьян предполагалось отвести по 15 дес. на наличную мужскую душу (инородцам - по 18 дес.), кроме этого намечался 3-хдесятинный лесной надел, не входивший в обязательную наделную норму. Предельный размер церковных земельных участков устанавливался в 99 дес., для школьных отводилось по 15 дес. земли.

Анализируя основы землеустроительной политики правительства, Л.Г. Сухотина пришла к выводу, что землеустройство носило полуфеодальный характер и главной задачей имело укрепление государственной собственности на землю, сдерживало капиталистическое развитие Сибири. Н.Ф. Иванцова уверена, что выводы могут быть применимы до этапа столыпинской аграрной реформы, по ее мнению, после первой российской революции изменились не только методы проведения земельной политики, но претерпели значительную корректировку ее цели и задачи³⁴.

Землеустроительные работы на территории Западной Сибири начались во второй половине 1899 года, и к 1915 году они были закончены только в Алтайском округе, где было землеустроено 2440 селений, насчитывающих 1 168 879 душ мужского пола, которым было отведено в наделы 21 428 370 десятин земли³⁵.

В Тобольской губернии ограничение наделов к началу 1915 года было произведено на площади 5 297 930 десятин земли, что составило 38,9% всех земель, подлежащих землеустройству, а в 3 уездах (Томский, Каинский, Мариинский) Томской губернии землеустроительные работы были проведены на площади в 9,3 млн. десятин³⁶. В годы войны землеустроительные работы не прекращались, но к 1917 году, по данным Н.Ф. Иванцовой, они были завершены только на 79,7% площадей³⁷.

Несколько иными были условия землеустройства в Горном Алтае. До 1903 года здесь были отведены наделы только старожильческим селениям. Начавшееся движение алтайского населения против землеустроительной политики привело к принятию 12 мая 1904 года «Правил устройства кочевых инородцев Бийского уезда», главным пунктом которых являлась приостановка поземельного устройства алтайского населения и запрещение переселения сюда крестьян из Европейской России. Однако местная администрация молчаливо поощряла русскую колонизацию, и уже в 1906 году встал вопрос об отводе переселенцам земель в Горном Алтае. Землеустройство алтайского населения началось только в 1911 году и длилось три года, как и в Степном Алтае, население Горного Алтая почти повсеместно получило неполномерные наделы. Более чем в половине волостей население имело наделы ниже нормы, при этом нужно учесть, что в каждом наделе земля составляла только 23%.

Влияние землеустройства не было одинаковым и однозначным. Хотя землеустройство не вышло за рамки старых отношений землевладения и землепользования, не устранило имевшего место малоземелья и неравномерности распределения угодий между различными группами сельского населения, оно все же положительно сказывалось на развитии сельскохозяйственного производства и обуславливало его капиталистическую направленность.

Аграрная политика правительства в начале XX века не только не изменила существующие формы землевладения и систему хозяйства, но юридически и фактически оформила и закрепила их. Земельный фонд Западной Сибири к 1917 году представил пеструю картину. Здесь были разные формы распоряжения и владения землей.

Землевладение и землепользование.

Взаимоотношения в связи с землей, как объектом собственности, означают ту или иную форму земельной собственности. Отношение людей к земле, как к объекту хозяйства, проявляются в определенной форме

землевладения. В конце XIX - начале XX века собственниками земель Сибири выступали государство, царь и Сибирское казачье войско. Огромная территория в 65,5 млн. десятин земли на правах частной собственности принадлежала царю³⁸. Эти земли, расположенные в Нерчинском заводском и Алтайском горном округах, находились в управлении Кабинета Его Величества. На территории Западной Сибири в конце XIX века кабинетские земли из шести уездов Томской губернии занимали Каинский, Змеиногорский, Барнаульский, Бийский, Кузнецкий, а также самые южные части Томского округа. Площадь кабинетских земель в Западной Сибири составляла около 42 млн. десятин, 17 млн. десятин было в собственности Сибирского и Забайкальского казачьих войск³⁹. Остальные земли, составлявшие большую часть территории Сибири были государственными.

Большая часть казенных и кабинетских земель в Западной Сибири находилась в наделном общинном и подворно-наследственном пользовании крестьян. После проведения внутринадельного межевания в начале XX века, утверждает И.А. Асалханов, крестьяне Сибири стали собственниками земли⁴⁰. Напротив, Л.М. Горюшкин полагает, что и после землеустройства продолжало существовать захватное и общинное землевладение и землепользование⁴¹, и роль общины в поземельных отношениях даже выросла. По мнению Н.Ф. Иванцовой, с которым мы согласны, западносибирское крестьянство было владельцем, а не собственником земли, оно наделялось правом пользования, то есть могло передавать землю по наследству, сдавать в аренду. Однако, право распоряжения землей оставалось в руках государства.

Крестьянству принадлежало около 1/3 всей площади земель⁴². Примерно такое же соотношение было и в Томской губернии, основном земледельческом районе Западной Сибири. В Тобольской губернии государственное землевладение охватывало более 4/5 земельной площади⁴³. Отчасти это объяснялось тем, что в его состав была включена часть земель, находившихся во владении крестьян, но не отмежеванных от казенных, а

главным образом тех, что казна держала в своих руках леса, составлявшие значительную часть территории губернии и не уступала их крестьянству.

Крестьяне многих деревень и целых районов имели земли меньше официальной 15-десятичной нормы. Накануне октября 1917 года до 3% старожильческих селений Алтая располагало 3-6 десятинами на мужскую душу, более 4% - 6-8 десятинами, около 22% - 10-13 десятин и 60% населенных пунктов насчитывало на одну мужскую душу более 13 десятин⁴⁴.

В составе крестьянских наделов было очень много неудобных земель, по данным Л.М. Горюшкина, составлявших до 1/4 всей площади⁴⁵. Так же следует учитывать и резко экстенсивный характер земледелия в Сибири. При больших абсолютных размерах крестьянских наделов их значительная часть совершенно не использовалась или была в залежи.

При обилии леса в Западной Сибири крестьянские хозяйства испытывали его острый недостаток. По государственным нормам крестьянам полагались три десятины леса на одну мужскую душу, но 40% всех крестьянских дворов, расположенных на казенных землях Сибири, в ходе землеустройства не получили лесных наделов⁴⁶.

На кабинетских землях нехватка леса у крестьян чувствовалась еще острее. Недостаток леса в крестьянском хозяйстве был непосредственной причиной самовольных вырубок и лесных бунтов, широко распространенных в Западной Сибири, в особенности на Алтае.

Между отдельными группами крестьянского населения (старожилами, новоселами, казаками, коренным населением) земля распределялась довольно неравномерно. В Омском уезде средний размер надела на двор в старожильческих хозяйствах составлял 51 дес, а у казаков - 289 дес⁴⁷, если у старожилов на двор было 8 дес посева, у переселенцев посев не превышал 6 дес. В старожильческих селах Горного Алтая при сохранении права захватного пользования крестьяне владели участками до 100 дес. и более, а бывшие приписные крестьяне, горнозаводские обыватели, получили по 320 кв. саж⁴⁸.

Площадь частновладельческих земель в Западной Сибири была незначительна. По мнению Л.М. Горюшкина, частным владельцам принадлежало 0,4% земельных площадей Западной Сибири⁴⁹. Размеры по подсчетам Н.Ф. Иванцовой: в Омском уезде Акмолинской области она исчислялась в 30,2 тыс., в Алтайском округе - 13,7 тыс., в Томской и Тобольской областях - 37 тыс. дес. По мнению автора, частновладельческим хозяйствам принадлежало не менее 3,6% пашни при их удельном весе в общем числе крестьянских хозяйств в 1917 году - 0,07%⁵⁰.

В среднем на каждое частновладельческое хозяйство приходилось от 120 (Алтайский округ) до 400 дес. земли (Тобольская губерния). Как правило, это были хозяйства капиталистического типа.

Юридически собственниками земли считались церкви и монастыри. В ходе землеустройства размеры церковных и монастырских участков были ограничены. В 1917-1918 гг. наблюдалось дальнейшее уменьшение этой формы землевладения. Такое же изменение претерпели и школьные земли. Так, в Томской губернии в конце 1917 года церковные земли составляли 0,9%, а школьные - 0,2% площади всех удобных земель⁵¹. В сельскохозяйственном производстве использовалась незначительная их часть.

Собственником земли выступало и Сибирское казачье войско. Ему принадлежало 4959 тыс. дес. земли., из которых в сельскохозяйственном пользовании было 2733 тыс. дес, офицерские участки занимали 10,5% всех земель (518 тыс. дес), юртовые земли находились в собственности общин и распределялись между станичниками, земли войскового запаса. (1462 тыс. дес.) сдавались в аренду не войсковому населению (крестьянам, инородцам и промышленникам)⁵².

Казенное население Западной Сибири было самым землеобеспеченным. На каждого казака в среднем приходилось 30-32 дес, а на каждый двор - 98-420 дес. земли. Однако с учетом того, что казацкое хозяйство, как правило, было скотоводческо-земледельческим, эти площади

не представляются значительными. Среди казаков наблюдалась большая неравномерность в обеспечении землей хозяйств различных поселков и станиц, у бедняков, по данным Л.М. Горюшкина, не хватало пахотных угодий и леса⁵³. На юртовых землях существовала чересполосица, в наделы казаков вклинивались офицерские и войсковые участки. Рядовые казаки, как и крестьяне, не были собственниками своих наделов и не имели права распоряжаться землей. Особенно сурово пресекалась продажа юртовых наделов лицами казачьего сословия. В приказе от 14 марта 1908 года, запрещавшем продажу, Военный совет Главного казачьего управления официально разъяснил всем войсковым правлениям, что станицы имеют на землю, и следовательно, лес, лишь право пользования, право же собственности всегда принадлежит на всю землю только войску⁵⁴.

Государство и Кабинет регулировали земельные отношения в своих интересах и в случае нарушения могли отчуждать любую территорию, даже освоенную крестьянами. С развитием капиталистических отношений в деревне крестьянские общества на Алтае, все больше нуждавшиеся в переработке продуктов своего хозяйства, отдавали часть наделной земли в аренду промышленникам под строительство маслодельных, мукомольных, кожевенных и других предприятий. Но так как крестьянские общества не были собственниками земли, то арендную плату и землю у них в таких случаях изымал Кабинет, а с крестьян взыскивали сборы в виде штрафов⁵⁵.

Неограниченность крестьянских угодий от кабинетских и незавершенность землеустройства вплоть до 1917 года казна и Кабинет использовали для ограничения крестьянского землевладения.

Казенные и кабинетские земли в Западной Сибири составляли соответственно 49,5% и 5,7% всех земель⁵⁶. Из части удобных земель был сформирован арендный фонд. Арендовали казенные и кабинетские земли крестьянские общества, крестьяне, предприниматели, кооперативы. Так, в

Алтайском округе 19% площади было в аренде у крестьянских обществ, 20% составляли земли арендных поселков, 11 % арендовали коренные жители

Алтая, 26% - отдельные крестьяне, 13% - владельцы так называемых, культурных имений, 6% - заимочники, 2% - владельцы крупных предприятий (мельники, заводчики и др.) и 3% - съемщики⁵⁷.

В сельскохозяйственном производстве аренда не имела заметного влияния. В Алтайском округе в 1917 году она составляла 2,7%, в Томской губернии - 4%, около 32,2% всего арендного фонда находилось у жителей арендаторских поселков, их в 1916 году насчитывалось 785 и объединяли они 8324 двора с 50 тыс. жителей⁵⁸. Основным видом аренды была аренда сельскохозяйственного назначения, на долю которой в 1915 году приходилось 90,8% площади и около 80% дохода, причем денежная аренда составляла 95%⁵⁹, в отличие от центра страны, где была распространена аренда за отработки, обходившаяся крестьянину, как правило, в 2-3 раза дороже денежной.

Господство денежной аренды способствовало быстрому, развитию производительных сил. В Западной Сибири ниже была и арендная плата, причем самой низкой она была у коренных жителей, крупных овцеводов, коневодов и жителей арендаторских поселков. Самой дорогой арендная плата была с промышленных заведений (5-6 рублей с дес), как правило, десятина земли, сдающаяся в долгосрочную аренду, стоила в 2 раза дороже, чем при годовой аренде. Наблюдалась и другая закономерность: арендаторы, снимавшие по 1-2 дес. платили за каждую по 1-3 рубля, а арендующим до 1000 и более дес. стоимость одной дес. обходилась в 20-40 копеек⁶⁰.

Характер аренды в Западной Сибири отдельными исследователями определялся по-разному. Например, Л.М. Горюшкин утверждал, что она была потребительской⁶¹, Г.Л. Жидков подчеркивает предпринимательскую направленность аренды, но отмечает, что в своей основе она была феодальной⁶². По мнению Н.Ф. Иванцовой, аренда части кабинетских земель в степных и лесостепных районах имела главным образом предпринимательскую направленность. Об этом свидетельствовали ее долгосрочный характер и большие размеры арендных участков. В 1914 году,

по данным автора, в долгосрочной аренде находилось 62% всех сдававшихся в аренду земель⁶³.

По переписи 1917 года в Омском уезде у зажиточного крестьянства было в аренде 90% всех арендуемых крестьянами земель. Однако средний размер арендных площадей у хозяйств низшей, средней и высшей групп был приблизительно равным и не превышал 10-11 дес.⁶⁴. Если учесть, что процент годных рабочих в зажиточных хозяйствах был выше, то количество арендной земли на одного работника в малосостоятельных хозяйствах было соответственно больше, чем в хозяйствах высшей группы.

В Западной Сибири во второй половине XIX века господствовало вольно-захватное пользование землей. Вольное пользование существовало в двух формах: не ограниченное местом и размером и ограниченное обществом, устанавливавшим границы наделов. Последняя форма, преобладавшая в Западной Сибири в конце XIX века, представляла собой начало общинного землепользования. Но в отличие от общины, пользование землей при такой форме еще носило подворно-наследственный характер.

Главной причиной, обусловившей переход к общинному землепользованию, был рост производительных сил в процессе земледельческого освоения Сибири, выразившийся в увеличении населения, посевных площадей и поголовья скота, повышением товарности сельского хозяйства. Все это привело к ограничению свободных земель и более интенсивному их использованию. Уже в 80-е гг. XIX века пахотные земли Сибири впервые были учтены. Царское правительство было заинтересовано в насаждении общины в Сибири, ибо общинное землепользование не затрагивало государственной монополии на землю.

Сформировавшаяся в начале как административно-податная единица, община эволюционировала от захватного к уравнильно-передельному землепользованию. Так в Томской губернии общинники составляли 88,4% хозяйств, им принадлежало 96,9% всех крестьянских земель. В подворнонаследственном пользовании было только 271,7 тыс. дес., или 2,8% их

общего числа⁶⁵. При исследовании форм землепользования было необходимо учитывать некоторые обстоятельства. Процент общинно-передельного землепользования был выше в освоенных, более заселенных местностях и ниже в отдаленных, малообжитых районах. Соотношение общинного и подворно-наследственного землепользования неодинаково у старожилов и переселенцев. Материалы переписи 1917 года по Тобольской губернии показывают, что у старожилов 96,9% площади находилось в общинном землепользовании и 3,1% - в подворно-наследственном. Для переселенцев эти цифры соответственно равны 76,7% и 23,3%⁶⁶.

Накануне 1917 года в Западной Сибири встречались общинная и подворно-наследственная формы землепользования. В чистом виде это формы существовали редко. Чаще всего в одних и тех же селениях по отношению к различным угодьям использовалась одна из них. Если учитывать не только переселенческие, но и старожильческие деревни давнего заселения, где община успела пустить глубокие корни, можно считать - что в Западной Сибири накануне 1917 года преобладало общинное землепользование с частичным и полным переделами угодий. В 1917 году, по данным Л.М. Горюшкина, оно охватывало 94,1% земельной площади, подворно-наследственная - 5,9%⁶⁷. Как хозяйственная и административно-податная единица община господствовала повсеместно.

Особенность сибирской общины состояла в том, что она не знала прямой власти помещиков, но опека царских чиновников над общиной была сильной. Под влиянием переселений и аграрной политики царского правительства крестьянская община некоторых районов Западной Сибири начинает утрачивать такие свои особенности, как отсутствие переделов земли и чересполосицы. Общинное землепользование вначале осуществлялось в форме урезков излишков земли. Постепенно в практику входят переделы с учетом количества и качества земли прежде всего тех угодий, которых не хватало в данной местности.

Исследователи по-разному определяют место и роль общины в Сибири.

Некоторые отмечают, что в условиях, когда община в Европейской России стала распадаться, в Сибири она только стала проявлять уравнительный принцип и, следовательно, играла упорядочивающую роль и ускоряла введение и укрепление трехпольного севооборота. Другие полагают, что община была институтом реакции, она задерживала развитие классового расслоения в деревне, препятствуя росту крупно-кулацких хозяйств и замедляла переход другой части деревни в ряды пролетариата. Третьи заявляют, что экономическая роль общины была ничтожна, а в период войны и Февральской революции она превратилась в организацию крестьянской самозащиты от посягательств казны и Кабинета⁶⁸.

Выяснение сущности аграрного строя требует рассмотрения не только характера землевладения и форм землепользования, но и соответствующих им способов обработки земли, систем земледелия. По всем земледельческим районам Западной Сибири запас залежных земель был значительным - 40,1%, паровые занимали ограниченное пространство - 10,9%⁶⁹.

Заключение о системе земледелия можно сделать по данным распределения сельскохозяйственных угодий в расчете на одно хозяйство. Исходя из процентного соотношения пашни ко всей удобной земле можно видеть, что в Новониколаевском, Славгородском, Тарском земледельческих районах пашня занимала немногим более трети удобной земли. В Томском и Бийском уездах можно говорить о тех же соотношениях. В Барнаульском уезде под пашней была почти половина земли. В Томском и Новониколаевском господствовала трехполосная система производства, в Славгородском и Бийском уездах - двухполье, в Омском - однополье: почти вся мягкая земля была под посевом. В Алтайской губернии, главном земледельческом районе Западной Сибири, самой распространенной была захватно-паровая система (45,4% селений и 36,9% посевных площадей), залежная и паровая системы распространялись на 24% селений и, соответственно, на 25,7% и 29,8% площадей⁷⁰.

Эволюция земледельческих систем в Западной Сибири определялась не

только степенью развитости производительных сил и характером производственных отношений, но и существующими формами крестьянского землепользования. Захватно-вольному землепользованию соответствовало залежно-паровое хозяйство. Появившаяся паровая система, хотя имела тенденцию к росту, медленно внедрялась в хозяйство сибирских крестьян. Это обуславливалось тем, что крестьянство не имело достаточного стимула и средств для переустройства своего производства, а самое главное - экстенсивный способ ведения хозяйства не исчерпал себя.

Изменения в формах землевладения и землепользования, в системах земледелия были вызваны появлением капиталистических отношений. Государственная собственность на землю не только не была преградой для мобилизации земли, но, наоборот, аренда и сохранившееся в отдельных районах захватное землепользование создали условия для развития новых отношений.

Анализ поземельных отношений в Западной Сибири неоспоримо свидетельствовал о продолжавшемся развитии капитализма. Организованная аграрная колонизация в годы войны резко уменьшилась, более выраженной тенденцией стало хозяйственное освоение переселенцами заселенных территорий. Землеустройство закрепило прежние отношения землевладения и землепользования, оно способствовало, в конечном итоге, росту мелкого землевладения - будущей базы для развития капитализма.

Производительные силы сибирской деревни в конце XIX - начале XX вв.

Общими показателями распространения сельскохозяйственного капитализма вширь в процессе колонизации Сибири был рост посевных площадей и поголовья скота. С 1901-1905 по 1911-1915 гг. посевные площади и валовые сборы культур в Западной Сибири увеличились в 2 раза⁷¹. Наибольший прирост дали Акмолинская область и Томская губерния - основные районы притока переселенцев в эти годы. Почти весь прирост

посевных площадей приходится на десятилетие после 1907 года, если в 1897 году посевные площади Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области составляли 3429 тыс. дес., в 1908 году - 3607 тыс., то уже в 1917 году - 7169 тыс. дес.⁷². На территории Сибирского казачьего войска посевные площади в 1898-1911 гг. увеличились в 2,7 раза⁷³. На Алтае, становящемся житницей Сибири, площади посевов с 1897 по 1917 гг. выросли почти в 2,7 раза, с 2 203 228 до 5 838 481 дес., тогда как в Европейской России они увеличились только на 3,5%⁷⁴.

Увеличение посевных площадей и поголовья скота было результатом роста производительных сил и прежде всего людской рабочей силы, как главного элемента производительных сил. За 1897-1917 гг. сельское население Сибири выросло более чем в 1,5 раза, в основном за счет переселенцев. Если за 40 лет, предшествующих проведению дороги, в Сибирь переселилось около полумиллиона человек, то за последующие 20 лет - около 4 млн., из них половина осели в Томской губернии, а в Западной Сибири в целом более 75% всех переселенцев⁷⁵. Переселение способствовало освоению новых земель, росту посевных площадей и животноводства. С переселенцами в Сибири появлялись не только рабочие руки, денежные средства и орудия производства, но и капиталистические производственные отношения. В этом смысле переселенческое движение было одним из проявлений развития капитализма на окраинах России. А так как в самой Сибири основа для развития капитализма была достаточно прочной, и сельское хозяйство уже развивалось по капиталистическому пути, то переселение лишь усиливало и ускоряло это развитие.

К 1917 году Западная Сибирь прочно вошла в число основных зерновых районов страны. По производству хлеба она заняла первое место среди колонизируемых окраин страны и давала 10% сбора хлеба в стране, в том числе 13% пшеницы и 20% овса⁷⁶. Основная часть зерна производилась в степном и лесостепном районах. Как свидетельствуют данные переписи по Томской губернии 1916 года, именно эти районы, включая Алтай, имели

наибольшую плотность посевов. На них приходилось более 82% посевной площади губернии⁷⁷.

Касаясь вопросов развития производительных сил в Сибири в годы первой мировой войны при анализе одних и тех же явлений исследователи высказывают прямо противоположные точки зрения. Одни (Г.И. Рощевский, С.А. Сидоренко, А.А. Храмков) заявляют, что война поставила сельское хозяйство Сибири на грань краха, другие отмечают, что оно продолжало развиваться⁷⁸.

Продолжали расти посевные площади и валовые сборы зерна. В коллективном труде по истории Сибири отмечается, что среднегодовые посевы за 4 года войны увеличились в Сибири на 21%, валовые сборы зерна на 40%, а поголовье скота на 15-20%⁷⁹. В Томской губернии, по данным Н.Ф. Иванцовой, они составляли в 1913, 1915, 1917 гг. соответственно 521,8, 612,1 и 530,1 тыс. дес.⁸⁰. Сбор зерновых в Тобольской, Алтайской и Томской губерниях за 1916-1917 гг. увеличился с 197 707 тыс. до 346 752 тыс. пудов, или на 43%. Поголовье скота в Томской губернии в количественном выражении с 1553 тыс. в 1913 году увеличилось до 1928 тыс. голов в 1917 году⁸¹.

Все районы Западной Сибири за исключением Горного Алтая, Нарымского края, Сургутского и Березовского уездов не только обеспечивали себя хлебом, но имели излишки, остававшиеся значительными и в военные годы. В Томской губернии в 1913-1916 гг. они составляли 83 677,7 тыс. пудов. Только по урожаю 1917 года излишки хлеба в Западной Сибири составляли 134 млн. пудов, в то время как по всей Европейской России они не превышали 270 млн. пудов⁸².

Существенным признаком капитализации сельскохозяйственного производства является расширение внутреннего хлебного рынка и рост товарного производства зерна, что в свою очередь определяется ростом урожайности и увеличением валовых сборов хлеба. Средняя урожайность зерновых, прежде всего пшеницы и овса, на протяжении 1900-1917 гг.

оставалась относительно высокой (60 и 90 пудов с дес.), что по-прежнему превосходило показатели Дальнего Востока и Европейской России. В центре земледельческого производства Сибири и Алтайской губернии в 1917 году производство зерна на душу населения составляло 580 кг⁸³. По данным В.Г. Тюкавкина в России на душу населения производилось 455 кг, а в настоящее время развитые страны Западной Европы производят 465 кг⁸⁴. Урожайность в Алтайском округе в конце XIX - начале XX вв. превосходила урожайность в США, составляя сам-9, сам-10 (в США - сам 6-8)⁸⁵.

В начале XX века в Западной Сибири произошли изменения в распределении производства хлебов. В абсолютных и относительных цифрах снизились посевы озимой и яровой ржи, их удельный вес в общем объеме сельскохозяйственных культур уменьшился с 1913 по 1917 гг. на 20%, посевы пшеницы и овса выросли соответственно на 12% и 4%, производство ячменя в 1916 году составляло 92% уровня 1913 года, в 1917 году довоенный уровень был почти достигнут⁸⁶. Преобладающими по всем районам Западной Сибири оставались посевы пшеницы. В 1917 году на 100 дес. посева ее приходилось 53,1 дес., на втором месте был овес - 31,5 дес., затем - рожь - 6,2 дес., ячмень - 2,7 дес. На небольших площадях по-прежнему культивировали масленичные, просо, гречиха, картофель (5,4 дес.)⁸⁷

Пшеница, исключительно яровая, и овес занимали около 4/5 всей площади, а рожь - менее 1/10 части, причем озимый клин не превышал 6%. По всем группам посевов и в военные годы продовольственные посевы преобладали. Амплитуда колебаний посевов продовольственных хлебов была значительной - 44,1% в Тобольском, до 73% в Славгородском уездах. Кормовые культуры занимали 30-35% посевов, но в Тобольском, Тарском, Ялуторовском уездах удельный вес достигал 43-48%⁸⁸.

Расширение посевов и увеличение сборов хлеба произошло за счет увеличения малопосевных хозяйств, обзаведения землей переселившихся в Сибирь в довоенные годы и значительного расширения посевов состоятельных хозяйств.

В исследуемый период Западная Сибирь продолжала оставаться районом развитого скотоводства. Большой сдвиг произошел в росте поголовья всех видов скота. Динамика его численности определялась в 1911, 1916, 1917 гг., как: 14,6 млн. и 17,2 млн. голов⁸⁹. К 1915 году прирост скота по сравнению с довоенным временем составил 29%⁹⁰.

Западносибирская деревня в начале XX века имела самые высокие показатели по численности скота на душу населения. На 100 человек здесь приходилось 316,7 голов скота, в то время как в Европейской России этот показатель не превышал 57,4⁹¹. Скот между отдельными категориями и группами крестьянских хозяйств распределялся неравномерно. По данным переписи 1917 года в Тобольской губернии старожилы имели в среднем на хозяйство 17,2, переселенцы - 16,5, инородцы - 10 голов скота, а всего в Западной Сибири без рабочего скота в 1917 году насчитывалось 6,4% хозяйств⁹².

Исследователями признается факт неравномерного распределения скота между неимущими и состоятельными хозяйствами. Данные переписи 1916 года по Барнаульскому уезду позволяют определить, что низшая группа, составлявшая 54,4% всех хозяйств, владела 33,2% всего поголовья скота, а высшая группа (12,6%) имела 26% скота⁹³. Указанные факты свидетельствовали о том, что животноводство перестраивалось на товарный лад. В районах кочевого скотоводства население разводило торговый скот. В Горном Алтае особой товарностью отличались байские хозяйства. Здесь были созданы племенные заводы, рассадники скота. Крупные коневоды поставляли породистых лошадей ко двору, пользовавшихся большим спросом и за границей

Развитие кооперации.

Становление развитого капитализма в Западной Сибири сопровождалось развитием крестьянской коопераций. Глубинные причины возникновения кооперативного движения определялись с одной стороны

ростом капиталистических отношений, обусловленных массовой колонизацией Западной Сибири, с другой - недостатком средств в хозяйствах и необходимостью борьбы с торгово-ростовщическим капиталом и спекуляцией.

Рост кооперативов в России начался после 1905 года, в 1917 году в России действовало 20 тыс. потребительских кооперативов, 16 тыс. кредитных и 8,2 тыс. сельскохозяйственных обществ и артелей⁹⁴. Западная Сибирь в 1917 году, имея около 5% населения, сосредоточила почти 9% различного рода кооперативов⁹⁵. Из 7,4 тыс. кооперативов Дальнего Востока, Степного края и Сибири, 3,4 тыс. кооперативов действовали в Западной Сибири, составляя 51-52% всех крестьянских хозяйств и охватывая до 2/3 всего населения⁹⁶.

Начало кооперативного движения в Сибири связано с пребыванием здесь декабристов, которые еще в 1831 году в Петровском заводе создали артель, деятельность которой была многогранной: огородничество, свиноводство, торговля, организация общественного питания, ремонт орудий и техники. В 1869 году в Иркутске организуется потребительское общество «Сбережение», в 1883-1887 гг. потребительское общество возникло в Красноярске, в 1898 году - сельское потребительское общество в селе Теси Енисейской губернии. В 90-х гг. появляются первые крестьянские товарищества. В середине 90-х гг. создаются артельно-кооперативные заводы. В западной Сибири в 1904 году их было около 5 тыс., они производили 1,5 млн. пудов масла, большая часть которого вывозилась за границу. В частности, в 1906 году было отправлено 2,6 млн. пудов⁹⁷. Годы столыпинской реформы стали для Сибири и Западной Сибири периодом развития различного вида кооперации. Так. На Алтае в 1905-1915 гг. было создано 1972 кооперативов, в том числе 275 кредитных, 803 потребительских, 865 по сбыту и переработке продуктов, 29 прочих, которые

кооперация. В 1913 году в Томской губернии она объединяла 144 тыс., или 40% домохозяев⁹⁹.

Рост кредитных кооперативов по годам шел следующим образом. До 1910 г. в Сибири было 78 кооперативов, в 1910 г. их было создано 67, в 1911 г. - 170, в 1912 г. - 334, в 1913 г. - 199, в 1914 г. - 147100. Темпы роста данного вида кооперации можно признать исключительными.

Средства кредитных кооперативов формировались из вкладов, займов частных лиц, а также из ссуд Государственного банка. В частности, в 1912 году только Омский кредитный союз получил от государства 774,5 тыс. рублей под зерновые¹⁰¹. Банковские кредиты кооперация использовала на развитие производства, финансируя кооператоров. Только в 1912 году количество денег, выданных по ссудам крестьянам, составило 11 млн. рублей¹⁰². Томское крестьянство с 1908 по 1914 гг. получило через кооперативы 36,3 млн. рублей¹⁰³.

Правительство, если не патронировало, то и не препятствовало развитию кооперации. Кредитная кооперация окрепла именно под финансовым контролем казны. Финансовая помощь кооперации являлась частью аграрной политики правительства. Кредитная кооперация ограничила влияние ростовщического капитала в сибирской деревне. Это сказывалось не только на кооперированных крестьянских хозяйствах. Кредитная кооперация всей системой своих операций влияла на отношения заемщика и ростовщика, понижала проценты на ссужаемый ростовщиком капитал.

С 1911 года в Западной Сибири быстро развивается потребительская кооперация. В 1911 году здесь было 57 потребительских кооперативов, 1912 году - 129, в 1914 году - 308 (их число неуклонно возрастало в годы войны и к началу 1918 года достигло 3160)¹⁰⁴. По сравнению с другими районами Сибири Тобольская губерния значительно отставала в организации данного вида кооперации. Это объяснялось тем, что в Западной Сибири потребительские кооперативы возникали в форме лавок, чаще при маслоартелях. В 1913 году в Тобольской губернии кроме 24 потребительских

кооперативов было 90 лавок, в то время как по всей Сибири в 1916 году их насчитывалось 1150105 .

Существовала сельскохозяйственная кооперация, но ее деятельность освещена слабо. Прежде всего, это касается кооперативов по использованию машин (прокатные пункты), разведению улучшенных пород скота, выведению новых сортов семян и пр. Чаще сельскохозяйственные кооперативы создавались группой селений. Они стали быстрее расти после 1911 года, когда на почве борьбы с неурожаем крестьянство искало пути самопомощи. Так, из 23 кооперативов Тобольской губернии, действовавших в 1913 году, 12 возникли в 1912 году¹⁰⁶.

Губернские агрономические организации, в составе которых были агрономы и специалисты по молочному делу, помогали наладить селекционную работу, консультировали крестьян по соответствующим вопросам деятельности кооперативов. Департамент земледелия брал на себя финансовую помощь сельскохозяйственной кооперации Сибири. Губернские агрономические организации распределяли выделенные средства между кооперативами. Например, в 1913 году 18 сельскохозяйственных кооперативов Тобольской губернии получили 21,5 тыс. рублей ссуды, в 1914 году 24 кооператива получили 32,2 тыс. рублей, в 1915 году предусматривалось выдать ссуду 31 кооперативу в сумме 73,1 тыс. рублей¹⁰⁷. Каждое общество по своему усмотрению распределяло ссуду на различные статьи расходов. Значительная часть ссуды выдавалась безвозмездно.

Западная Сибирь в предвоенные годы занимала ведущее место по созданию артельных маслосырзаводов. Рубежом, с которого начинается бурное развитие маслодельных артелей в Западной Сибири, является 1905 год. Если в 1903 году в Тобольской и Томской губерниях было 103 маслодельных артели, то в 1905 году их было уже 447, а в 1912 - 1601 из 1700 маслодельных заводов края¹⁰⁸ .

Уже в 1907 году в Тобольской губернии количество артельных заводов

году это соотношение не изменилось: 931 и 325, соответственно¹⁰⁹. В Томской губернии частное маслодельное производство, преобладало. В 1912 году артельных заводов было 841, а частных - 1768¹¹⁰. В Тобольской и в Томской губерниях маслоделие, в том числе артельное, развивалось в южных уездах: Курганском, Барнаульском, Бийском. В этих районах более 80% заводов были кооперативными.

Маслодельные артели в Тобольской губернии в 1912 году объединяли 47% всех крестьянских хозяйств, в Томской губернии - 17,7%¹¹¹. Такая большая разница в кооперировании хозяйств в Тобольской и Томской губерниях соответствует фактическому соотношению частных и артельных заводов по этим губерниям. Кроме того, в Тобольской губернии в среднем на один кооператив приходилось 178 хозяйств, в Томской - 111. Причиной этому было следующее: например, 263 артели Тобольской губернии объединяли хозяйства 667 сел, а 249 артели Томской губернии объединяли крестьянские хозяйства только 261 селения¹¹².

С 1912 года при артельных заводах стали усиленно расти артельные потребительские лавки. Если в Западной Сибири в 1911 году их было только 34, то в 1912 году - 133¹¹³. С помощью потребительских лавок маслодельные артели боролись и конкурировали с частным маслоделием.

Создание маслодельных артелей освобождало крестьян от кабалы частных маслоделов, но не от частных экспортеров. Экспортные торговцы сговаривались между собой и платили артелям низкую цену за масло. Кроме того, они совершенно произвольно делали скидки за сортность и прибегали к прямому обвесу. Также экспортеры получали большую прибыль по поставке артелям оборудования маслозаводам по завышенной цене.

Правительство проявляло определенную заботу о развитии маслоделия. По указу 1909 года «Об отпуске из государственного казначейства средств на улучшение и развитие маслоделия в Сибири» ему вменялось в обязанность оплачивать работу сельскохозяйственных курсов и лабораторий по маслоделию и молочному хозяйству, а также ветеринарных и

агрономических служб и финансировать маслодельные артели. С 1912 года маслодельная кооперация кредитовалась из Государственного банка.

Об успехах развития маслоделия в Западной Сибири можно судить по экспорту масла на заграничные рынки. Если в 1899 году было вывезено 132 тыс. пудов, то в 1913 - 4,9 тыс. пудов, из них в Германию - 40%, в Англию - 38%, в Данию - 17%, остальное в другие страны Европы¹¹⁴.

Особенностью развития всех типов кооперации в начале XX века было их объединение в крупные союзы, а также все более проявляющееся смещение функций внутри кооперативов. В кредитных кооперативах и товариществах обнаруживается уклон в промышленную и торговую деятельность, потребительская кооперация кроме купли-продажи товаров открывает производства по переработке сельскохозяйственных продуктов, производственная кооперация принимает на себя функции кредитования. Особенностью сибирского кооперативного движения было то, что среди переселенческого населения кооперативное строительство не получило большого распространения. В Томской губернии из 1946 кооперативов только 172 действовали в переселенческих селах¹¹⁵.

Рост кредитных кооперативов в 1914-1917 гг., по сравнению с 1911-1913 гг. несколько замедлился. В 1914 году в Томской губернии действовало 465 кредитных товариществ, 7835 ссудосберегательных касс, что составляло 44,9% всех кредитных кооперативов Сибири¹¹⁶.

В конце 1914 и в 1915 гг. в Западной Сибири возникли межрайонные объединения кредитных кооперативов. В конце 1916 - начале 1917 гг. на их основе возникли два крупных кредитных союза: Алтайский

и

Новониколаевский. В 1917 году на территории Западной Сибири действовало 13 таких союзов. Они и стали учредителями возникшего в сентябре 1917 г. «Союза сибирских кредитных союзов».

Устав «Союза» определял правомочия и границы участия кредитных товариществ, исходя из количества вложенного капитала. Кредитные товарищества в своей деятельности придерживались принципов,

соответствующих кооперативно-демократическим.

В годы войны кредитные кооперативы из банковских организаций мелкого кредита превращаются в сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперации. «Союз сибирских кредитных союзов» становится единственным посредником по снабжению населения сельскохозяйственными машинами. Так «Алтайский кредитный союз», объединивший 185 кредитных товариществ, только в 1917 году продал крестьянам сельскохозяйственной техники на сумму 2,4 млн. рублей¹¹⁷.

Кредитная кооперация помогала крестьянам миновать скупщиков и обеспечить сбыт их товаров на внутреннем рынке. Бесспорно, она значительно ограничила влияние ростовщического капитала в сибирской деревне, в том числе и на некооперированные хозяйства. Оборот «Союза» по всем видам деятельности в 1917-1918 гг. выражался в сумме 400 млн. рублей¹¹⁸.

Динамику развития потребительской кооперации можно наблюдать на примере алтайской потребительской кооперации. До 1 января 1915 года в Алтайской губернии действовало 57 кооперативов, в 1915-1916 гг. было создано 8 кооперативов и с января по июнь 1917 года - 173 кооператива¹¹⁹. Один кооператив в 1917 году обслуживал 1,5% населения, в среднем - 2,6 тыс. человек¹²⁰.

В 1913-1914 гг. большинство кооперативов продолжало оставаться небольшими - с числом членов до 200 человек и оборотом до 15 тыс. рублей. В связи с расширением поставок для армии и гарантированных государственных кредитов материальная база кооперативов значительно укрепилась.

Приоритет в создании кооперативов исследователи отдают интеллигенции, в частности, политическим ссыльным. По материалам деятельности кооперации в районе Алтайского союза кооперативов, инициатива в создании кооперации в 76,3% случаев принадлежала местным крестьянам, в 5,2% - иностранным фирмам и только в 18,5% случаев -

интеллигенции¹²¹. В большинстве случаев потребительские общества возникали из-за недостатка товаров и растущей спекуляции частных торговцев.

Накануне войны потребительские кооперативы в Сибири стали объединяться в союзы. Первый такой союз в Западной Сибири появился в Мариинске в 1913 году. В 1915 году возникли Алтайский и Новониколаевский союзы, в 1916 году - Алтайский горный, Томский, Кузнецкий, Обь-Иртышский союзы. К 1918 году из общего числа потребительских союзов Сибири 53% действовали в Западной Сибири¹²².

В уставах союзов отмечалось, что они создавались с целью улучшения материального и духовного благосостояния населения, путем сбыта сельскохозяйственной продукции, снабжения населения

сельскохозяйственной техникой, а также организации предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Союзы предусматривали образование образцовых хозяйств, опытных и показательных полей, рассадников племенного скота, кооперативов для совместной обработки земли. До 15% капитала выделялось союзами на культурно-просветительные цели.

Обороты союзов росли большими темпами.оборотный капитал Чановского союза кооперативов за 1,5 года вырос с 8 тыс. до 51,3 млн. рублей¹²³. Значительно расширилась сфера их торговой деятельности. Все большее значение приобретала скупка сельскохозяйственных продуктов у населения и вывоз их на внутренний и внешний рынки.

В годы войны сельскохозяйственная кооперация Западной Сибири была представлена маслодельными артелями и сельскохозяйственными обществами. Артели продолжали создавать и в 1914-1917 гг. на базе маслозаводов. В 1917 году в Тобольской губернии артельные заводы составляли 69%, в Алтайской - 50%, в Томской - 39% всех маслодельных заводов, но в целом они охватывали небольшую часть селений, например, в Алтайско-Томской части Сибири они задействовали только в 16% сел¹²⁴.

На основе объединения артелей ускорился процесс создания союзов. В 1907 году был создан «Союз сибирских маслодельных артелей». Накануне войны он включал 563 артельных заводов и 502 лавки и объединял 250 тыс. домохозяйств¹²⁵.

Основанием «Союзу» послужили 12 артельных маслодельных заводов Кургана, организованные с целью содействия маслодельным артелям в приобретении необходимых им продуктов потребления и всех требующихся в сельском хозяйстве предметов, а также выгодного сбыта продукции, произведенной артелями. Другой задачей «Союза» было облегчение получения ссуд артелями. Причиной, побудившей вступить в «Союз», указывалась необходимость выйти из зависимости частных торговцев.

По уставу каждая артель при вступлении в «Союз» платила 10 рублей вступительных и 100 рублей за каждый пай, который она могла иметь сколько угодно. Пять паев давали один голос, десять - три голоса, двенадцать и более - четыре.

Так как территория «Союза» была огромна, на собрание уполномоченных приезжали по 2-3 представителя от 50-80 артелей, то есть один уполномоченный имел голос от 20-30 артелей.

Иностранные экспортеры с самого начала образования «Союза маслодельных артелей» приняли меры, чтобы не дать ему работать. Экспортными конторами были повышены цены на масло до 20 рублей за пуд вместо обычных 12 рублей. Не ограничиваясь этим, экспортеры старались подорвать в артелях доверие к «Союзу», распространяя слухи о его неизбежном провале и неопытности руководителей, об отсутствии связи с границей, о грозящих больших убытках, за которые придется расплачиваться артельщикам. Однако, несмотря на препятствия, «Союз сибирских маслодельных артелей» рос и развивался.

Необходимо отметить, что в указанные годы в «Союз» входило незначительное количество артелей. Так в 1912 году «Союз» объединял только 328 артелей, а всего в Тобольской и Томской губерниях их

насчитывалось 1800126 . В «Союзе» наблюдалась большая текучесть артелей. Так, из состоявших в нем на октябрь 1913 года 563 артели к ноябрю 1915 года выбыло 340, хотя общее количество артелей в «Союзе» в 1915 году значительно увеличилось и достигло 902 штук. Из общего количества сибирского масла 4 млн. 800 тыс. пудов в 1913 году через «Союз» прошло 630 199 пудов, или 15,02%¹²⁷ . Однако с введением масляной монополии «Союза» в Сибири в 1915 году в 1916 году через него прошло уже 92% общего количества сибирского масла, в 1917 году - 71,4%¹²⁸.

Война увеличила количество маслодельных артелей, вошедших в «Союз». К 1917 году он объединяет 1410 кооперативов и 1167 артельных лавок¹²⁹. По существу «Союз сибирских маслодельных артелей» был капиталистической организацией маслодельных кооператоров с узко очерченными задачами и внутренним устройством, типичным для крупного акционерного капитала. Являясь централизованным синдикатом кооперативов-маслопроизводителей и маслаэкспортеров, союз артелей обращал внимание не только на организацию экспорта, но и проявлял инициативу в улучшении техники маслоделия и молочного хозяйства.

Обороты «Союза» росли большими темпами. Если по сравнению с 1909 годом в 1910 году они увеличились на 4%, то в 1913 году - на 193%, в 1916 - на 114%, а в целом с 1910 по 1917 гг. они выросли в 33 раза, а средний оборот «Союза» в 1914 составлял 202 млн., в 1917 - 160,3 млн. рублей, в том числе на операции с маслом приходилось 123,3 млн. рублей¹³⁰.

Благодаря развитию маслодельных артелей до войны товарная продукция животноводства в Западной Сибири составляла 70-75%, тогда как валовая продукция животноводства не превышала. 30%¹³¹.

Степень объединения в кооперативы по районам Западной Сибири в довоенный период была неодинаковой. В Петропавловской уезде в кооперативы входило 63% крестьянских дворов, в Мариинском - 50%, в Курганском уезде маслодельные артели обслуживали 87% хозяйств, кредитные товарищества - 76% ¹³².

Степень участия крестьянства в различного вида кооперативах тоже различалась. Руководящая роль во всех кооперативных объединениях крестьян принадлежала состоятельному крестьянству. В 1911 году в маслодельных артелях Томской губернии состояло 75823 хозяйства, у которых было 381 219 коров, или в среднем по пять коров на один двор¹³³.

Совершенно очевидно преобладание многокоровных хозяйств. Чем состоятельнее было хозяйство, тем скорее оно становилось участником кооперативного движения, но и средние и ниже средних по состоятельности дворы активно сотрудничали с кооперацией. В довоенный период в кооперации, по данным В.М. Самосудова, участвовало до 41% безлошадных и однолошадных, до 70% трехлошадных дворов, а имевших 6 и более лошадей на 87% являлись участниками потребительской кооперации¹³⁴.

К производственным кооперативам относились и различные сельскохозяйственные общества. На купленной или арендованной земле они организовывали опытные поля, племенных хозяйства по выращиванию скота, культурно-показательные пасеки, снабжали население улучшенными семенами, высокопродуктивными породами скота. Так, Западносибирская селекционная станция организовала опытное поле на 300 дес., на котором испытывала 108 хозяйственных сортов. Даже в засушливом 1918 году урожайность пшеницы на станции составила 233 пудов с дес. Станция проводила курсы по подготовке мастеров маслоделия, агрономические совещания, консультации по вопросам организации сельскохозяйственного производства, снабжала население брошюрами и журналами со своей издательской базы.

Характер и социальную природу кооперации историки изначально определяют как кулацкую. Что касается характера или экономической сущности кооперации, здесь можно согласиться с Л.М. Горюшкиным: кооперативное движение было продуктом развития капиталистических отношений, одним из средств совершенствования форм сельскохозяйственного производства¹³⁵. Кооперация являлась и

эффективным механизмом регулирования рыночных отношений.

Социальная база кооперации не была однородной. В производственной и кредитной кооперации основным источником формирования денежных средств были взносы и торгово-посреднические операции с хозяйствами состоятельных крестьян. Потребительская кооперация в основном объединяла, средние слои деревни. А повсеместное распространение объединенных кооперативов тоже свидетельствовало о том, что кооперация пыталась учитывать интересы и малосостоятельных крестьян, помогая им освободиться от диктатуры ростовщиков и частных торговцев. Дореволюционная кооперация была хозяйственной формой, в которой сочетались элементы мелкотоварного, и капиталистического, и государственно-капиталистического укладов.

ГЛАВА II. КАПИТАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ XX В.

Рост торгового земледелия и скотоводства.

В начале XX века Западная Сибирь, продолжая оставаться аграрной окраиной России, стала составной и достаточно развитой частью внутреннего (аграрного) рынка России. Здесь быстро шел процесс перехода от натурального земледелия к торговому, к росту капитализма в земледелии.

Рост торгового земледелия проявлялся прежде всего в развитии торгового зернового хозяйства (рост посевных площадей, валовых сборов зерна), о чем и было сказано выше.

В начале XX века продолжала углубляться сельскохозяйственная специализация Западной Сибири. Алтайская губерния стала крупнейшим производителем масла и центром развитого зернового хозяйства. Из уездов Алтая вывозилось 43,2% всего сибирского масла¹³⁶. По производству товарного хлеба на первом месте был Барнаульский уезд, он давал 68% хлеба, производимого на Алтае и 34% всего западносибирского хлеба¹³⁷. Районами развитого зернового хозяйства были Омский, Каменских, Славгородский уезды, а Кузнецкий, Мариинский и Бийский уезды были в основном скотоводческими.

Расширение внутреннего хлебного рынка и рост товарного производства зерна является существенным признаком капитализации сельскохозяйственного производства.

Еще до проведения Сибирской железной дороги начинают определяться районы торгового земледелия, специализирующиеся на производстве продуктов для продажи, в первую очередь, зерна, масла и мяса. К 1899 году Томская губерния занимала по посевным площадям пшеницы первое место в Сибири и 12-е среди 72 губерний и областей Европейской

России. Тобольская губерния занимала в Сибири второе место и в Европейской России - 15-е¹³⁸. Торговая направленность роста посевных площадей Западной Сибири выражалась в изменении структуры посевов и увеличении наиболее товарных в России культур - пшеницы и овса.

В 1917 году в посевах Европейской России пшеница составляла 19,4%, в Сибири и на Дальнем Востоке - 47,2%, в том числе в Западной Сибири - 55,3%¹³⁹. По данным Переселенческого управления среднегодовой валовой сбор зерна за 1912-1915 гг. по Томской и Тобольской губерниям составлял 242 млн. пудов¹⁴⁰.

Товарность зернового хозяйства была высокой. Так, общая норма товарности на Алтае, по данным Л.М. Горюшкина, составляла 50%¹⁴¹, а по подсчетам Н.Ф. Иванцовой в 1909-1910 гг. поднималась до 68-70%¹⁴². В начале XX века сложились крупные центры по торговле хлебом: Барнаул, Бийск, Усть-Чарышская пристань и др. Алтайский хлеб шел в Томск, Тюмень, Новониколаевск, оттуда в Европейскую Россию и за границу.

На почве роста производства зерна в Западной Сибири прогрессировала мукомольная промышленность. В 1913 году только на Алтае действовало 4029 мельниц¹⁴³. При общем росте валовых сборов зерна и значительных избытках его общая товарность в 1914 - 1917 гг. снизилась и в 1917 году составила 15-20%. Так, из произведенных в Томской губернии в 1914-1916 гг. 634 348,6 тыс. пудов зерна было вывезено на продажу 68 645,8 тыс. пудов¹⁴⁴.

Сибирская железная дорога, расширившая экономические связи Западной Сибири с общероссийским и мировым рынками, дала толчок вывозу западносибирского хлеба на эти рынки. В различные годы от 1/3 до половины вывозимого хлеба шло на заграничные рынки. В 1913 году за границей сбывался 31% экспортируемого из Сибири хлеба, на Урале - 30%, в Европейской России - 10% и в самой Сибири - 29%¹⁴⁵.

В процессе капиталистического развития в Западной Сибири сложились крупные центры торговли хлебом. Самым крупным из них был

Новониколаевск, откуда в 1906-1910 гг. ежегодно вывозилось в среднем 6349,8 тыс. пудов¹⁴⁶. Большими центрами отправки хлеба были также Омск, со складов которого ежегодно вывозилось 1105 тыс. пудов, Петропавловск - 1675 тыс. пудов, ст. Коченёво - 1247,4 тыс. пудов. Примерно 20% хлеба шло на рынок от скупщиков, 80% - непосредственно от крестьян¹⁴⁷.

Значительная часть продукции сельского хозяйства продавалась на ярмарках. О её объемах свидетельствуют обороты последних. В Бийском уезде в 1917 году действовало 45 ярмарок с общим оборотом в 1,5 млн. рублей, в Барнаульском оборот 246 ярмарок составлял 2,7 млн. рублей¹⁴⁸. Не меньше были обороты ярмарок Новониколаевского, Омского, Томского, Курганского уездов

На базе товарного производства зерна продолжала развиваться мукомольная промышленность. Большая часть мукомольных предприятий обслуживала местное население. Мельницы были небольшой емкости и малой производительности. Крупные мельницы строили в уездных и губернских городах, где работали элеваторы. В Новониколаевске емкость элеватора составляла 2 млн. пудов, здесь же работало 7 паровых мукомольных мельниц, готовая производительность которых равнялась 9 млн. пудов¹⁴⁹. Элеваторное хозяйство Сибири тоже росло большими темпами. Только в 1916-1917 гг. в действие было введено 5 элеваторов емкостью 5,5 млн. пудов, оборудованных по последнему слову мировой техники¹⁵⁰.

Из других отраслей производства следует отметить торговое льноводстве, наиболее развитое в Тобольской и Томской губерниях. Льняное волокно у крестьян скупали представители Переселенческого управления и отправляли его на текстильные фабрики в центр страны.

Таким образом, в Западной Сибири и прежде всего в Томской губернии сложился крупный зерновой район с производством более 1/4 валового сбора хлебов для продажи¹⁵¹.

Западная Сибирь была районом не только зернового производства, но и

товарного скотоводства, развивавшегося после строительства железной дороги довольно быстрыми темпами. В этом отношении она обгоняла большинство районов Европейской России, а по некоторым показателям и Северный Кавказ.

По темпам прироста поголовья скота Западная Сибирь значительно опережала Европейскую Россию. Важно отметить, что в период с 1902 по 1913 гг. в Западной Сибири увеличилось поголовье всех видов скота, тогда как на Северном Кавказе - крупного рогатого скота и овец, а в Европейской России число овец и свиней даже уменьшилось¹⁵². Быстрее возрастало количество крупного рогатого скота и свиней, что отражало специализацию Западной Сибири в производстве масла и мяса. Как и в посевных площадях, основной прирост поголовья скота приходился на период после 1907-1908 гг.¹⁵³

Скотоводство Западной Сибири имело ярко выраженное молочное направление. В 1917 году на 100 душ населения приходилось коров: в Европейской России - 17,5, по Томской, Тобольской губерниям и Акмолинской области - 40,3¹⁵⁴. Шире всего молочное производство было распространено в лесостепях и горно-таежном районе. Именно на них приходилось 68% поголовья коров и около 3/4 маслозаводов¹⁵⁵.

Торгово-капиталистический характер скотоводства Западной Сибири проявлялся в различных формах, но самым ярким его свидетельством была быстрорастущая маслодельная промышленность. В 1913 году в Сибири имелось 4092 маслозавода, в том числе около половины - кооперативных¹⁵⁶. Уже первые маслозаводы вовлекли в сферу своего влияния массу крестьянских хозяйств. Среди различных слоев деревни число сдаччиков молока было неодинаковым. Обследование маслоделия, проведенное в 1906-1907 гг. показало, что из хозяйств с одной коровой молоко сдавало 30%, с двумя коровами - 69%, а с десятью и более коровами - 96%¹⁵⁷. Основными поставщиками товарного молока были зажиточные слои деревни. Накануне мировой войны в Западной Сибири производилось 6357 пудов масла, из них

половина в Томской губернии. Причем, 80-85% производимого масла шло за границу, остальное - на рынки Европейской России, Дальнего Востока и Сибири¹⁵⁸. Производство масла почти целиком носило товарный характер. Норма товарности составляла 93-95%, на потребление местного населения и технические нужды использовалось 5-7% производимого масла¹⁵⁹.

С началом массового производства сливочного масла и выходом его на мировой рынок цены на молоко в Западной Сибири повышаются с 18-19 до 45-50 копеек за пуд¹⁶⁰. Постепенно растут цены на масло: с 1894 по 1912 гг. они увеличились в 1,5 раза¹⁶¹. В целом масляный рынок, был более устойчивее хлебного, отличался менее резкими колебаниями цен.

На развитие маслоделия и молочного хозяйства в Западной Сибири отрицательно влияли примитивное содержание скота, отсутствие ветеринарии и частые эпизоотии. В 1903 году на маслозаводы Томского и Кузнецкого уездов поступило около 52 тыс. пудов молока, а в 1906 после повальной болезни скота воспалением легких только 22 тыс. пудов¹⁶². Маслодельные предприятия не отличались высоким капиталистическим уровнем.

В целом маслоделие больше росло вширь, чем вглубь и в этом отношении вполне соответствовало экстенсивному сельскому хозяйству Западной Сибири.

В районах молочной промышленности отходы молока использовались населением для откорма свиней. Поэтому вместе с ростом маслодельной промышленности развивается массовое производство свинины для продажи. С появлением в 1908 году в городе Кургане первой свинобойни, построенной датской фирмой «Брюль и Тегерин», предпринимаются попытки вывоза за границу сала, не получившие, однако, широкого распространения ввиду дальности расстояния и трудности вывоза¹⁶³. Вокруг станции Мариановка (между Омском и Петропавловском) насчитывалось 27 крупных ферм с 50 тыс. голов тонкорунных овец, в Коростелевской степи Змеиногорского уезда - до 17 тыс. овец¹⁶⁴. Однако, преобладающим в степных местах Западной

Сибири было мясное скотоводство.

Об объемах торговли скотом говорят следующие данные: в 1913 году только на ярмарках Омского уезда было продано 373 тыс. голов крупного рогатого скота и около 176 тыс. голов мелкого скота¹⁶⁵. Продукция животноводства в вывозе из Сибири стояла на первом месте - 71,9%, товары земледелия составляли на рынке 28,1%¹⁶⁶.

Накануне войны среднегодовой вывоз мяса из Западной Сибири составлял 2773 тыс. пудов, жиров и сала - 316 тыс. пудов., крупного рогатого скота - 70 190 голов¹⁶⁷. Главными пунктами вывоза мясных продуктов были Петропавловск, Омск и Новониколаевск. Сибирское мясо вывозилось в рабочие районы Урала, Поволжья и на столичные рынки. Около 70% мяса, вывозимого в Европейскую Россию, потребляли Петербург и Москва¹⁶⁸. Кроме того, Сибирь давала огромное количество кож, шерсти и другой сельскохозяйственной продукции.

В отличие от производства сливочного масла, торгово-мясное скотоводство развивалось медленнее. Причины этого, видимо, следует искать в том, что сибирское мясо не имело такого широкого доступа на заграничные рынки, как масло, а также в экстенсивном характере дореволюционного животноводства и неприспособленности железнодорожного транспорта.

Рост торгового земледелия и скотоводства в западносибирской деревне начала XX века говорил о все более развивающейся капитализации сельскохозяйственной производств.

Применение техники и наемного труда.

Одной из черт, характеризующих уровень развития земледелия, была его техническая оснащенность. В исторической литературе вопрос о состоянии и развитии техники в сельском хозяйстве Западной Сибири рассматривается попутно, в комплексе с другими аспектами аграрной истории, как правило, в работах признается, что в первое десятилетие XX

века в земледелии Сибири начинается промышленный переворот (М.М. Горюшкин, В.Г. Тюкавкии, Э.М. Щагин).

Машины заметно повысили производительность труда в сельском хозяйстве. Один человек за 10-часовой рабочий день мог выкосить косой в среднем 1/4 дес. травы, а сенокосилкой - 5 дес. (в 20 раз больше)¹⁶⁹. Наряду с другими причинами растущее применение сельскохозяйственных машин способствовало увеличению посевных площадей и поголовья скота в зажиточных хозяйствах. Машины окупались только при больших количествах обрабатываемого продукта. Распространение машин сопровождалось концентрацией сельскохозяйственного производства, так как на их приобретение требовался значительный капитал, имеющийся только у крупных хозяйств. В условиях Западной Сибири концентрация осуществлялась в форме экстенсивного расширения посевов и маслодельного производства и отражала развитие капитализма¹⁷⁰.

Распространение машинной техники сопровождалось капиталистическим совершенствованием форм торговли. Купеческий капитал и ярмарки не играли большой роли в сбыте машин. Для этого использовалась сеть коммерческих контор, агентств и такие приемы, как торговля по образцам, реклама, демонстрация машин¹⁷¹.

Торговля машинами, составлявшая наряду со сбытом масла основу товарного обращения в сибирской деревне, способствовала расширению внутреннего рынка. Во-первых, создавался довольно емкий рынок на средства производства. По официальным данным за 15 предвоенных лет в Сибири было продано сельскохозяйственных машин более чем на 150 млн. рублей¹⁷². Если учесть, что на долю переселенческих складов приходилось 1/3 продаваемых товаров, то общая сумма составит не менее 190 млн. рублей¹⁷³. Во-вторых, создавался рынок рабочей силы, ибо массовое употребление сельскохозяйственных машин предполагает существование массы наемных сельскохозяйственных рабочих¹⁷⁴.

Применение машинной техники расширяло сферу арендных

отношений в сибирской деревне. Аренда машин становится распространенным явлением. Среди зажиточных переселенцев Томской губернии с посевом свыше 9 дес. машины арендовало более 1/4 всех хозяйств, в среднепосевной группе - 1/4 и в малопосевной - 1/10 всех дворов¹⁷⁵. Зажиточные расходовали на это 11 рублей в год в среднем на одно хозяйство, середняки и бедняки соответственно в 2 и 3 раза меньше¹⁷⁶.

Большая часть машин была у зажиточных крестьян. В бедняцкой группе один плуг приходился на 5-6 дворов, косилка или жатка на 160 дворов, молотилка на 223, а среди зажиточный каждый второй двор имел косилку-жатку, каждый третий-четвертый - молотилку, что касается плугов, то некоторые хозяйства имели их по несколько на один двор¹⁷⁷.

Правительственные склады и частные фирмы продавали машины по высоким ценам, недоступным основной массе трудящихся крестьян. Цена только одной сноповязалки в 1912 году была 409-419 рублей, жатки самосброски - 200 и более рублей, дисковой сеялки - 230 рублей, цены их намного превышали стоимость имущества бедняцкого двора¹⁷⁸.

Стремясь обеспечить сбыт своих товаров и высокие прибыли капиталистические фирмы и переселенческие склады в Сибири почти половину машин продавали в кредит. Обычно от 1/4 до 1/3 всей стоимости машины покупатель платил наличными, а остальные деньги вносил в течение двух лет с надбавкой 6% годовых. При несвоевременной уплате очередного взноса с покупателя дополнительно взыскивали 8% от просроченной суммы¹⁷⁹.

В 1909-1913 гг. среднегодовая задолженность сибирского крестьянства переселенческим складам исчислялась в 3,6 млн. рублей, а капиталистическим фирмам - 10-12 млн. рублей¹⁸⁰.

Столь же тяжелой для крестьян была покупка машины на комиссионных началах, комиссионные начисления составляли 12%¹⁸¹. Капиталисты и администрация переселенческих складов постоянно изыскивали новые средства для обеспечения прибыльного сбыта машин.

Ввиду неудовлетворительного поступления долгов началось ограничение продажи в кредит, увеличение суммы задатков и сокращение сроков платежа долгов. Продажа в кредит мелкого инвентаря и строительных материалов совершенно прекратилась. С 1913 года машины стали продаваться под векселя, из-за чего круг покупателей все больше замыкался на зажиточных крестьянах¹⁸².

По насыщенности земледелия машинами Западная Сибирь уступала только Дальнему Востоку. На 100 дес. посева в Томской губернии приходилось 14,35 плуга, 2 жнейки, 4,16 веялки; в Европейской России это соотношение выглядело как 10,2, 1,07, 2,58¹⁸⁴. В то время как в Европейской России преобладающим орудием оставалась соха, в Западной Сибири усовершенствованные орудия составляли от 65% (Барнаульский уезд) до 90% (Тарский уезд) от всех орудий.

Всё же, обеспеченность крестьянских хозяйств сельскохозяйственной техникой была недостаточной. Один плуг в Томской губернии приходился на 1,6 хозяйства, одна сеялка на 70 хозяйств, а на последнюю в свою очередь приходилось в среднем 525 дес., а по отдельным уездам - 1 тыс. дес. посева¹⁸⁶. Однако количество жатвенных машин, веялок, сортировок, молотилок при их рациональном использовании соответствовало нормам. В 1916 году на одну жатку в Томской и Алтайской губернии в среднем приходилось 60 дес. посева, это на 10 рабочих дней¹⁸⁷.

В рассматриваемый период проявлялись определенные тенденции в распределении сельскохозяйственного инвентаря среди отдельных категорий и групп населения. Степень насыщенности хозяйств усовершенствованными орудиями была больше всего у инородческого населения Западной Сибири. В Западном Алтае на 100 дес. посева приходилось 14,6 плуга, в то время как в целом по Алтайской губернии - только 8,9% плугов¹⁸⁸. Однако сельскохозяйственными машинами (сеялки, жнейки, веялки) лучше всего были обеспечены переселенческие хозяйства. Среди таких хозяйств в Тобольской губернии в 1917 году сеялки имели 2,1%,

а среди старожильческих - только 1,6% хозяйств¹⁸⁹.

Рост применения машин свидетельствовал о продолжающемся капиталистическом прогрессе и появлении элементов предпринимательства в крестьянском хозяйстве Западной Сибири. Однако насыщенность сельского хозяйства машинами и производительное их использование оставались невысокими.

Развитие капитализма вширь и вглубь сопровождалось растущим применением наемного труда. Рынок рабочей силы - один из важнейших показателей степени развития капитализма. Особенности формирования рынка рабочей силы в западносибирской деревне, связанные с положением Западной Сибири как колонизируемой окраины, наиболее заметно проявлялись в источниках его формирования. Как и в деревне, десятилетие пореформенного периода, в начале XX века главными оставались три источника. Во-первых, это приток переселенцев из Европейской России, среди которых преобладали бедняки. Разоренные в местах выхода они уже по пути в Сибирь работали по найму. Как показали материалы обследования 1903-1904 гг., 2025 семей во время остановок в пути занимались наемной работой преимущественно в сельском хозяйстве¹⁹⁰.

Второй источник - разложение крестьянства в Сибири. В процессе стихийного развития мелкотоварного производства в результате залоговой зависимости от зажиточных крестьян и торгово-капиталистических фирм, старожильская беднота разорялась и вынуждена была продавать рабочую силу¹⁹¹.

Третьим специфическим для Сибири источником послужила ссылка. Большинство ссыльных составляли сосланные на поселения или по приговорам сельских и мещанских обществ¹⁹².

Основную часть наемных рабочих составляли мужчины. Наряду с этим в зажиточных хозяйствах в массовом порядке эксплуатировался наемный труд женщин, подростков и детей. Половозрастные данные сказывались на формах найма и видах выполняемых работ. На год и более нанимались люди

преимущественно молодого возраста¹⁹³. Крестьяне постарше были заняты главным образом поденным и сезонным наймом. Мужчин нанимали косить сено и хлеб, заготавливать лес, женщин - вязать снопы, доить коров, выполнять домашнюю работу, детей - помогать сгребать сено и вязать снопы, возить копны. В качестве нанимателей на сельскохозяйственные работы выступали зажиточные старожилы, переселенцы и частные предприниматели.

Характерно было и то, что случаи найма годовых и срочных работников, которые могут быть рассмотрены как показатели известной широты хозяйства и его капитализации, были сравнительно редки. Так, в Томской губернии к годовому найму прибегало 3,2% хозяйств, годовые рабочие составляли только 3,4% всех наемных рабочих, срочных рабочих использовали 5,1% хозяйств¹⁹⁴, на поденный, сдельный и месячный наем приходилось 91,7% общего числа случаев найма¹⁹⁵. К найму рабочих в такой форме крестьянство прибегало, главным образом, для срочных полевых работ. К этому вынуждала краткость периода уборки урожая.

В среднем наемные рабочие использовались в хозяйствах старожил и переселенцев 1,7 месяца¹⁹⁶. Чем беднее было хозяйства, тем срок найма работников был меньше. Так, в Алтайской губернии дворы с посевом 3-5 дес. использовали работников в течение 0,6 месяца, а с посевом 15-30 дес. в течение 8 месяцев¹⁹⁷.

В исторической литературе отмечается более высокий спрос на рабочие руки в сибирской деревне по сравнению с предложением. Недостаток наемных рабочих рук острее чувствовался в местностях, более развитых в сельскохозяйственном отношении. В Томской губернии это западная часть Барнаульского и юго-западная Томского уездов, юг Каинского и северо-восток Бийского уездов, где были сосредоточены основные посевные площади¹⁹⁸. Недостаток наемной рабочей силы в одних районах сочетался с избытком ее в других. Первые районы преобладали над вторыми и это сказывалось на уровне цен на рабочую силу в Западной

Сибири.

В 1913 году в среднем по Сибири плата за год наемному работнику-мужчине равнялась 90 рублей, женщине - 42 рубля, подростку - 35 рублей, а вместе с едой и одеждой хозяина 196, 140 и 125-130 рублей соответственно¹⁹⁹.

Амплитуда колебаний количества наемных рабочих в Сибири значительна. Л.М. Горюшкин, используя широкий круг источников и проведя подсчет на основе данных о состоянии форм найма, определяет численность сельскохозяйственных рабочих в Западной Сибири в 185-190 200 тыс. человек²⁰⁰.

В применении наемного труда в сельском хозяйстве Западной Сибири, по мнению Н.Ф. Иванцовой, прослеживались следующие закономерности. Во-первых, наблюдается прямая связь между применением наемного труда и численностью семьи, в частности, количеством нетрудоспособных членов семьи. Чем больше семья, тем больше трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи, тем выше применение наемного труда. Во-вторых, наемный труд играл в общей организации труда чрезвычайно ничтожную вспомогательную роль²⁰¹. Об этом говорят данные о доле наемного труда в общей массе труда. В хозяйствах без посева и с посевом до 4 дес., имеющих средний состав семьи 4,5 человека и 1,98 трудоспособных, наемные работники составляли 0,04; в хозяйствах средней группы (6,4 члена семьи и 2,81 трудоспособных) - 0,09; в хозяйствах высшей группы 0,29. Только в высшей посевной группе участие наемного труда достигло 6,8%, а в низшей и средней группах, не превышало соответственно 2 и 3,1%²⁰².

Предпринимательскими хозяйствами во всей массе хозяйств были немногие. Единственным источником существования основной массы крестьянских хозяйств в том числе и зажиточных, продолжал оставаться собственный труд.

Применение машин влияло на состав наемных рабочих в деревне: росло использование более дешевого и выгодного женского и детского труда.

С распространением сельскохозяйственных машин, замечает Л.М. Горюшкин, интенсивность труда наемных рабочих возросла, а их заработная плата понизилась, это отмечалось даже в официальных изданиях²⁰³.

Социальные процессы в западносибирской деревне в начале XX в.

Процесс быстрого развития производительных сил в сельском хозяйстве Западной Сибири, разложение натурального хозяйства и замена его товарным, а затем капиталистическим, сопровождался дифференциацией крестьянства. При изучении социальной структуры населения Западной Сибири историки используют материалы исследования старожильческих и переселенческих хозяйств 1911-1912 гг., материалы военно-конских переписей 1916 и 1917 гг.

Из работ в той или иной степени освещающих проблемы социального развития западносибирской деревни, в комплексе, всесторонне и наиболее обоснованно они решены в трудах Л.М. Горюшкина и В.Г. Тюкавкина. При анализе социального состава крестьянства в различных районах Западной Сибири авторы проводят группировки по совокупности различных признаков: посеву, наличию рабочих лошадей, коров, наличию торгово-промышленных заведений, наемных рабочих, арендной земли, натуральному и денежному доходу - и определяют три этапа хозяйства, относя к бедняцким 47-48% крестьянских дворов, к середняцким - 33-34%, к зажиточным - 19-20%²⁰⁴. Такие же социально-экономические группировки, хотя с немного другим соотношением, выделяют и другие западносибирские историки.

Например, Л.М. Горюшкин признает, что эти группы не являются однородными: в составе бедняков можно было выделить пролетариат, полупролетариат и мелких крестьян-земледельцев, сложным был состав и зажиточного крестьянства²⁰⁵. По мнению ученого, научную теорию статистической группировки крестьянских хозяйств разработал В.И. Ленин²⁰⁶. Задача группировка - раскрыть сущность капиталистической

эволюции мелкого земледелия, которая состояла не просто в создании и усилении имущественного неравенства среди крестьян, а в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Эта задача, как полагал автор, могла быть решена лишь при условии, когда в основание группировки положены размеры и типы хозяйств²⁰⁷. Но однородные экономические отношения проявлялись в различной форме, ибо в одной местности капитал подчинял одну сторону сельского хозяйства, в другой - другую. Поэтому признаки для выделения различных типов хозяйств должны выбираться сообразно с местными условиями и формами земледелия. В частности, при экстенсивном зерновом хозяйстве, по мнению Л.М. Горюшкина, можно ограничиться группировкой по посеву или по рабочему скоту²⁰⁸. Однако другие отмечают, что по этим показателям нельзя судить о разложении крестьянства в районах молочного хозяйства, где правильнее была бы группировка по числу коров. В местностях промысловых занятий должны учитываться размеры и типы промыслов.

Если же крестьянство в массовом порядке соединяло различные занятия, например, земледелие и молочное скотоводство, необходима комбинация группировок. Только по одному показателю - размеру посева или числу рабочих лошадей невозможно составить полное представление о разложении крестьянства. Сравнительно большой по размеру посев мог иметь и большесемейный крестьянин, не эксплуатировавший чужой труд. Количество же рабочих лошадей в зажиточном хозяйстве могло оставаться неизменным или даже уменьшаться в отдельные периоды в связи с ростом интенсификации сельскохозяйственного производства, неравномерностью его развития и другими причинами²⁰⁹. Поэтому группировки крестьянских дворов по тому или иному признаку, избранному с учетом местных условий и торговой специализации района, необходимо рассматривать в связи со всей совокупностью данных о крестьянских хозяйствах.

Динамику социальных процессов в деревне Западной Сибири в начале XX века позволяют представить материалы исследований 1911-1912 гг. и

сельскохозяйственной переписи 1916 года, нам представляется в основу группировки хозяйств нужно, как это делает Н.Ф. Иванцова, положить размер посева, дополненный сведениями по рабочему скоту, аренде, наемным работникам²¹⁰.

Чтобы охарактеризовать темпы и формы расслоения алтайского крестьянства, используем материалы, полученные при обследовании Барнаульской волости Барнаульского уезда в 1897 и 1905 гг. и материалы переписи 1916 года.

Данные оказывают наличие значительного экономического неравенства в алтайской деревне, 2/5 общего числа дворов (бедняцкая группа) владела лишь 1/10 частью посевной площади. В то же время многопосевное крестьянство, составлявшее 1/5 числа всех хозяйств, имело в своём распоряжении более половины посевной площади. Обеспеченность хозяйств посевом в высшей группе была почти в десять раз больше, чем в низшей.

Те же тенденции выявляются при анализе распределения рабочих лошадей и коров. Наиболее мощная группа хозяйств с посевом в среднем в 16 дес. при наличии десяти рабочих лошадей и шести коров, составляя 22,5% дворов, концентрировала 53,5% всего посева, 45,7% всех рабочих лошадей и 46,4% всех коров. Эти показатели степени концентрации посевов и живого инвентаря, а также размеры хозяйств свидетельствуют об их принадлежности к типу товарных.

К 1905 году, алтайская деревня по своему составу оказалась беднее, чем была в 1897 году. Процент бедноты, составлявшей в 1897 году 2/5 дворов, вырос до 43%, процент высшей группы снизился почти на 6%, на 1,5% уменьшилось количество середняцких хозяйств. При этом рост низшей и высшей групп осуществлялся различно. Низшая группа усилилась количественно, высшая группа - качественно, при сравнительно слабом увеличении общей численности и даже при относительном понижении своего удельного веса. Экономическое усиление высшей группы нашло свое

выражение в неравномерности распределения сельскохозяйственного инвентаря. Бедняцкая группа была его почти лишена. На каждый плуг приходилось около шести хозяйств, 4/5 дворов совершенно не имели их. В средней группе 1/4 часть дворов была без плугов. Косилками или жатками владело лишь одно хозяйство из каждых 37, молотилками - одно из 30 хозяйств. В высшей же группе сосредоточилась основная масса машин: бесплужных хозяйств в ней не было. Наоборот, многие владели двумя и более плугами; на каждое второе хозяйство приходилась сенокосилка или жатка, каждый четвертый двор имел конную молотилку.

Социальная дифференциация алтайского крестьянства продолжалась и в последующие годы. Данные переписи 1916 года свидетельствуют, что соотношения посевных групп за 11 лет (1905-1916 гг.) несколько изменились. Переселения и рост численности некрестьянского населения (служащие, торговцы, кустари, интеллигенты) в деревне способствовали увеличению доли безпосевных почти на 4%. Средняцкие и кулацкие хозяйства, если и не выросли в количественном отношении, сосредотачивали 78,6% посевов, 74% скота и 73,4% рабочего скота.

Те же самые процессы наблюдались и в Горном Алтае. Классовую дифференциацию алтайцев можно проследить по материалам статистикоэкономической экспедиции 1897 года, которой руководил С.П. Швецов, данным статистико-экономического обследования алтайцев специальной экспедицией Переселенческого управления 1908 года и данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года по Кош-Агачскому району, обработанным Л.М. Горюшкиным. Данные указывают на резкую неравномерность в обеспеченности хозяйств крупным рогатым скотом. Первые четыре группы, составлявшие 52,1% обследованных хозяйств, имели 16,6% всего крупного рогатого скота, а последняя группа, составляющая 3,8% хозяйств, выделяла 22,9% всего стада крупного рогатого скота. Здесь, как и в хозяйствах русских крестьян, шел процесс вымывания средних слоев и усиления зажиточной верхушки. То же наблюдалось в

отношении обеспеченности лошадьми. Данные обследования 1908 года говорят о том, что первые пять групп, составлявшие 72,8% хозяйств, владели 191% всех лошадей, тогда как высшая группа (74 хозяйства), составлявшая лишь 1,6% хозяйств, сосредотачивала 21,6% лошадей, то есть больше, чем первые пять групп вместе взятые.

Еще более резкое неравенство имело место в обеспеченности мелким скотом. По данным обследования 1903 года 32,2% хозяйств вообще не имели скота, в то время как 55,7% поголовья скота находилось у двух высших групп, составлявших 11,9% хозяйств. Данные сельскохозяйственной переписи 1916 года по Кош-Агачской волости показывают, что на долю 6% хозяйств высшей группы приходилось 42,1% всего скота, в то время как 73,7% беднейших хозяйств имели 35% скота. В рамках всего Горного Алтая безлошадные хозяйства составляли 13%, однолошадные - 24%. Понятно, что они не являлись самостоятельными скотоводами, а были вынуждены батрачить в хозяйствах баев и зайсанов. Порядка 4,6% хозяйств вообще были лишены крупного рогатого скота, 13,7% хозяйств имели только от 1 до 4 голов, 23,3% были лишены овец и коз.

В Западной Сибири, на Алтае за 1912 - 1916 гг. беспосевные дворы выросли в 3 раза. В 1912 году 3,2% хозяйств владели 6,3% рабочего скота, на них приходилось 0,9% арендующих хозяйств, 13,3% сдающих в аренду и 1,6% нанимающих работников. К 1917 году хозяйственные показатели этой группы значительно снизились. В беспосевных хозяйствах в 3 раза уменьшилось количество лошадей и коров, снизилось число арендующих хозяйств, уменьшилось применение наемного труда.

Отнесение исследователями всех беспосевных хозяйств к пролетарским не совсем верно. По данным переписи 1917 года, посторонние хозяйства, не считая 2 тыс. хозяйств беженцев, составляли 70 тыс. (7%) хозяйств²¹³. Это были хозяйства государственных служащих, торговцев, кустарей, интеллигенции, как правило, не владеющих землей и относимых в материалах переписи частично к числу безземельных, а в основном,

беспосевных хозяйств. Если из общего количества беспосевных хозяйств Западной Сибири исключить посторонние, то беспосевные хозяйства будут составлять 6% хозяйств²¹⁴.

Доля пролетаризированного трудоспособного населения была еще ниже, чем доля всего населения в этой группе хозяйств. В среднем на крестьянский двор на Алтае приходилось 2,53 души трудоспособного мужского населения, в беспосевных хозяйствах их количество равнялось 1,8. В хозяйствах с посевом до 1 дес. - 1,99, в состоятельных хозяйствах - 3,57 человека²¹⁵. На каждое беспосевное хозяйство в среднем приходилось до 7 голов скота и 4 головы рабочего скота. Среди беспосевных дворов хозяйства без рабочего скота составляли 7% всех хозяйств²¹⁶.

В исследуемый период на 8,2% увеличилось количество хозяйств двух следующих посевных групп. В 1916 году они охватывали 310 хозяйств, что составляло 31,3%²¹⁷. В малосостоятельных хозяйствах уменьшилось количество рабочих лошадей и коров, сократилась аренда, относительно и абсолютно стали ниже показатели применения наемного труда. Хозяйства с посевом до 3 дес., за исключением немногих, не имели излишков хлеба, а частично испытывали его недостаток, поэтому, для покрытия дефицита были вынуждены прибегать к промысловой деятельности, отходничеству, пополняя ряды сельскохозяйственного пролетариата в качестве поденных и сдельных рабочих.

Хозяйства данных групп в годы войны чаще стали прибегать к найму рабочих. В связи с отвлечением трудоспособного населения на фронт этот наем нужно рассматривать как наем из нужды. Малосостоятельные хозяйства оказались менее обеспеченными лошадьми, чем беспосевные хозяйства. В 1916 году на 31,3% хозяйств данной группы приходилось только 22,9% рабочего скота²¹⁸.

Число середняцких хозяйств в рассматриваемый период имело тенденцию к уменьшению, но экономически они окрепли. Составляя в 1912 году 46,3% всех хозяйств, они имели 37% рабочего скота, в 1916 году на 41%

хозяйств данной группы приходилось 42,8% рабочего скота. В среднем на каждое хозяйство, с посевом 3-9 дес., к 1917 году приходилось 7,2 коров и лошадей и 19,6 голов рабочего скота²¹⁹. Удовлетворительное обеспечение скотом при нехватке рабочих рук объясняет факт увеличения применения наемного труда с одновременным расширением арендных отношений: увеличилось число хозяйств арендующих и сдающих в аренду. На 5,9% уменьшилась численность хозяйств меньшей группы, но крестьянство данной группы стало более состоятельным. В 1912 году на 22,5% хозяйств группы приходилось 28,2% рабочего скота, в 1916 году таким же количеством скота владели уже 16,6% хозяйств. Число арендующих хозяйств в данной группе выросло незначительно, а число хозяйств, нанимающих работников уменьшилось и абсолютно, и относительно²²⁰. Тем не менее состоятельные хозяйства составляли 16,6% всех хозяйств, владели 31,9% всего скота, 26,5% арендных площадей, 42,9% посевов на надельной земле. Они давали на рынок до 80% произведенного крестьянами хлеба. Для сравнения: беспосевным и хозяйствам с посевом до 3 дес. (41,8% всех хозяйств) принадлежало 11,1% надельной земли и 23,1% всего скота²²¹.

Наличие неравенства в западносибирской земледельческой деревне к 1917 году являлось несомненным фактом. Крестьяне бедняки составляли 2/5 дворов и вместе с мелкотоварными хозяйствами превосходили по численности более чем в 5 раз зажиточные хозяйства. По концентрации основных средств производства и производству сельскохозяйственной продукции, в частности, товарного зерна, решающая роль принадлежала зажиточным хозяйствам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После реформы 1861 года Западная Сибирь вместе со всей страной вступила в капиталистический период своей истории. Уже к концу XIX века преимущественно незрелой формы капиталистические отношения и связанные с ними отношения мелкотоварного производства преобладали в основных сельскохозяйственных районах Западной Сибири. В конце XIX - начале XX вв. происходит дальнейший процесс развития капитализма. Он охватывает как производительные силы, так и сферу производственных отношений, включая изменения в социальной структуре деревни.

Тесным образом с процессом развития капитализма были связаны аграрное законодательство и аграрная политика правительства. С 1906 года власти предпринимали шаги на образование в Западной Сибири частного крестьянского землевладения, объективно способствуя созданию условий для эволюции дофермерского типа.

Земельный фонд Западной Сибири стал одним из средств разрешения аграрных противоречий в центре страны. Аграрная политика правительства открывала мирные пути для революционного преобразования аграрных отношений. Однако возможности реформистского решения аграрного вопроса не были реализованы. Землеустройство не вышло за рамки старых аграрных отношений, в частности, остались неизменными землевладение и землепользование. Не было устранено имевшееся в ряде мест малоземелье неравномерное распределение угодий между различными группами сельского населения. Но разграничение наделов и их значительный размер не могли не сказаться на развитии производительных сил, обуславливая их капиталистическую направленность.

Государство и Кабинет не препятствовали мобилизации земли. Этому должно было способствовать созданное арендное хозяйство, которое, несмотря на более свободные условия аренды, чем в центре страны,

эксплуатировалось лишь частично.

Несоответствие интересов крестьян и государства рельефно проявлялось в лесном вопросе. После землеустройства лес составлял основу экономического влияния казны, особенно Кабинета, на крестьянское хозяйство. Недостаточность, а часто и отсутствие лесных наделов у крестьян, а с другой стороны - существование громадного лесного хозяйства, в частности, в Алтайском округе, обуславливали частые лесные бунты.

Путь к фермерскому хозяйству лежал через превращение общинного землевладения в частную собственность крестьянина, основанную на личном труде, а через нее - в капиталистическую частную собственность. Сибирское крестьянство в силу глубоко укоренившихся традиций и сознания общности и равного права на землю не использовало возможности стать реальным собственником земли. Наличие свободных земель при минимальной ренте и при экстенсивных формах обеспечивало условия производительного ведения хозяйства.

Рост производительных сил в сельском хозяйстве выразился в дальнейшем хозяйственном освоении края и вовлечении в обработку больших массивов новых земель, в увеличении посевных площадей, сборов зерна, поголовья скота, в распространении машинной техники и некоторых изменениях в системе земледелия. Оформилась общая сельскохозяйственная специализация Западной Сибири на производстве масла, хлеба, мяса, добыче рыбы, пушнины. К 1917 году Западная Сибирь выдвинулась в число основных хлебопроизводящих районов страны. Развитию производительных сил в сельском хозяйстве способствовало улучшение путей сообщения и сооружения Сибирской железной дороги, связавшей Сибирь с мировым рынком. Рост сельскохозяйственного производств, происходил на товарнокапиталистической основе и неизбежно сопровождался усилением капиталистических отношений в деревне. Об этом свидетельствовало увеличение массы товарной продукции и растущий вывоз ее за пределы Западной Сибири, развитие арендно-предпринимательских отношений в

деревне, возросшее применение наемного труда, фактическое подчинение вывоза масла и ввоза машин монополистическому капиталу, возникновение капиталистического кредита.

Капиталистические отношения в деревне развивались в сторону усиления зрелых форм капитализма: увеличивается производство зажиточными крестьянами, основанное на применении машин и наемного труда батраков, возникает и быстро повышается роль производительного капитала и соответственно этому понижается самостоятельное значение торгово-ростовщического капитала. Постепенно сельскохозяйственное производство концентрируется в руках зажиточного крестьянства. В сфере сбыта и обращения незрелые формы капитала также начинают уступать место более развитым: в торговле - капиталу крупных фирм, в области кредитных отношений - учреждениям мелкого кредита и различного рода кооперативам. Капитализм вырастал на базе мелкотоварного производства, но, развиваясь вширь, он порождал мелкотоварное производство в новых районах Западной Сибири.

Переселения и колонизация лишь расширили и углубили процессы, внутренне присущие экономике западносибирской деревни. Своеобразие Западной Сибири состояло в том, что здесь капиталистические отношения развивались главным образом в сторону количественного роста, чем в направлении качественного совершенствования сложившихся форм. Проявлялось это в резкой экстенсивности сельского хозяйства, более высоких темпах роста посевных площадей и поголовья скота, сельскохозяйственной специализацией. Отсюда и неодинаковость степени развития капиталистических отношений в различных районах, обусловленная наличием исторически сложившихся очагов земледелия и скотоводства и постепенным распространением капитализма на новые территории.

Подтверждением аграрно-технологической революции сельскохозяйственного производства в Западной Сибири в начале XX века были продолжающийся рост торгового земледелия и скотоводства,

существование высокоразвитого маслоделия и кооперации, распространение сельскохозяйственных машин и наличие наемных рабочих.

Узость рынка рабочей силы задерживала процесс разложения крестьянства. Результат экономического развития был, главным образом, в количественном росте мелкотоварного крестьянского хозяйства трудового типа. Во внутренней структуре крестьянского хозяйства товарнокапиталистические отношения только начали проявляться. Зажиточное крестьянское хозяйство к 1917 году еще не стало капиталистическим, хотя и обнаруживало в себе предпринимательские тенденции.

Хотя темпы роста оснащенности сельского хозяйства машинами были выше общесибирских и общероссийских, экстенсивное производство снижало употребление машин до минимума.

Наемный труд в Западной Сибири не получил широкого распространения. Важнейшим фактором, определяющим благосостояние двора, была его населенность и количество трудоспособных членов. Доля наемного труда в общей массе труда оставалась минимальной. Рынок постоянных и срочных рабочих не отличался ни глубиной, ни широтой развития, локальные рынки поденных рабочих тоже не имели завершенных форм.

Капиталистические отношения в сибирской деревне, переплетаясь с докапиталистическими формами хозяйства, имели черты незрелости. Окончательно не сложилась и соответствующая капитализму надстройка. С этой точки зрения его нельзя считать победившим. Но реставрация феодализма уже была невозможной, и в этом смысле капитализм победил окончательно и бесповоротно. Капиталистически развитый строй в сельском хозяйстве Западной Сибири был главенствующим, а капитал, взятый во всех его незрелых и развитых формах, занимал господствующее положение в экономике западносибирской деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азиатская Россия. СПб., 1899-1913.

Вопросы колонизации. СПб., 1906-1911.

Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX - начала XX вв. Новосибирск, 1975.

Ветошкин М.К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1953.

Горный Алтай и его население. Барнаул, 1901. Т. 2. Вып.1. Приложение.

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976.

Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири. Новосибирск, 1975.

Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма: Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма. Новосибирск, 1977.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967.

Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962.

Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.И. Современные англо-германские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири в конце XIX - начале XX века: Методические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.

Гущин Н.Я., Жданов В.А. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1987.

Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Западносибирская кооперация во

время войны и революций. Бийск, 1999.

Жидков Г.Л. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973.

Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976.

Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 - первой половине 1918 гг. М., 1992.

Историография крестьянства Сибири. Новосибирск, 1983.

История крестьянства Сибири. Новосибирск; Историография крестьянства Сибири.

История Сибири. Л., 1968.

Лященко П.И. История народного хозяйства. Т. 2. Капитализм. М., 1952.

Мальков Р.А. Переселенческие контингенты как социальный источник пролетариата (конец XIX - начало XX вв.)//Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1971.

Материалы переписи 1916 года по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

Новейшая история Отечества. Т. 1. М., 1998.

Паклин М.И. Хозяйство алтайского крестьянства в конце XIX - начале XX вв. Горно-Алтайск, 1999.

Пронин В.И. Город и сельское население Сибири в конце XIX - начале XX вв. Новосибирск, 1984.

Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX - начале XX вв. Томск, 1978.

Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири. Омск, 1970.

Сибирское крестьянство в 1917 - начале 1938 гг. М., 1980.

Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех

революций. М, 1987.

Храмков А.А. Арендные поселки в начале XX века // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980.

Храмков А.А. Развитие сельского хозяйства и социально- экономическое положение крестьянства. Барнаул, 1986.

Шагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пронин В.И. Город и сельское население Сибири в конце XIX - начале XX вв. Новосибирск, №84. С. 90.
2. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири. Новосибирск, 1976; Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 - первой половине 1918 гг. М., 1992; Историография крестьянства Сибири. Новосибирск, 1983; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
3. Азиатская Россия. СПб., 1899-1913; Вопросы колонизации. СПб., 1906-1911.
4. Цитата по: Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство. С. 6.
5. Там же.
6. Там же.
7. Лященко П.И. История народного хозяйства. Т. 2: Капитализм. М., 1952. С. 520, 322, 525-527.
8. Ветошкин М.К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения. М., 1953.
9. Цитата по: История крестьянства Сибири. С. 233.
10. Там же. С. 205.
11. Там же. С. 177.
12. История Сибири. Л., 1968.
13. История крестьянства Сибири. Новосибирск.
14. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство. С. 17.
15. Там же.
16. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 451-452.
17. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 361; Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России, М., 1974.
18. Храмов А.А. Развитие сельского хозяйства и социально-экономическое

- положение крестьянства. Барнаул, 1986. С. 126, 131; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 336, 368; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 458, 462.
19. Там же.
 20. Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962. С. 99.
 21. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 139.
 22. См.: Вышеуказанные работы.
 23. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.И. Современные англо-германские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири в конце XIX - начале XX века: Методические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983; Гуцин Н.Я., Жданов В.А. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1987.
 24. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 14.-19; Гуцин Н.Я., Жданов В.А. Указ. соч. С. 42-76.
 25. Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма: Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С, 46.
 26. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство... С. 35.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. Там же. С. 37.
 30. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 89.
 31. Мальков Р.А. Переселенческие контингент как социальный источник пролетариата (конец XIX -начало XX вв.): Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1971. С. 123-124.
 32. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 38.
 33. Там же.

34. Там же. С. 40.
35. Там же. С. 41.
36. Там же.
37. Там же.
38. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 217.
39. Там же
40. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX - начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 96.
41. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1976. С. 297.
42. Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 219.
43. Там же.
44. Там же. С. 221.
45. Там же.
46. Там же. С. 222.
47. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 47.
48. Там же.
49. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 220.
50. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 47.
51. Там же. С. 48.
52. Там же.
53. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 223/
54. Там же. С. 223-224.
55. Там же. С. 225.
56. Там же. С. 220.
57. Там же. С. 130.
58. Храмков А.А. Арендные поселки в начале XX века // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 140.
59. Там же. С. 138.
60. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 44-45.

61. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С, 137.
62. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение. С. 220.
63. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 45.
64. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 236.
65. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 48.
66. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 236.
67. Там же. С. 237.
68. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 49.
69. Там же. С. 50.
70. Там же.
71. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 138.
72. Там же.
73. Там же.
74. Сибирское крестьянство в 1917- начале 1918 гг. М., 1980. С. 18.
75. Там же. С. 139.
76. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 141-142.
77. Там же. С. 142.
78. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 53.
79. История Сибири. Томск, 1987. С. 400.
80. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 54.
81. Там же.
82. Там же. С.56.
83. Сибирское крестьянство в 1917 - начале 1918 гг. С. 20.
84. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 47.
85. Паклин М.И. Хозяйство алтайского крестьянства в конце XIX - начале XX вв. Горно-Алтайск, 1999. С. 70.
86. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 55.
87. Там же.
88. Там же.

89. Там же. С. 57.
90. Там же.
91. Там же.
92. Там же.
93. Там же. С.58.
94. Новейшая история Отечества. Т. 1. М, 1998. С. 62.
95. Дандамаева М. В., Иванцова Н.Ф. Западносибирская кооперация во время войны и революций. Бийск, 1999. С. 4.
96. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 65.
97. История потребительской кооперации Алтая. С. 5-7.
98. Там же.
99. Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири. Омск, 1970. С. 191.
100. Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 110.
101. Самосудов В.М. Указ. соч. С. 199.
102. Иванов Б.В. Указ. соч. С. 110.
103. Самосудов В.М. Указ. соч. С. 199.
104. Там же. С. 192.
105. Иванов Б.В. Указ. соч. С. 121.
106. Самосудов В.М. Указ. соч. С. 193.
107. Там же.
108. Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 22
109. Иванов Б.В. Указ. соч. С. 117.
110. Там же.
111. Там же.
112. Там же.
113. Там же. С. 118.
114. Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 23.
115. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 65.

116. Там же. С. 66.
117. Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 32.
118. Там же.
119. Там же. С. 33.
120. Там же.
121. Там же. С. 35.
122. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 67.
123. Там же.
124. Там же. С. 69.
125. Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 23.
126. Там же. С. 25.
127. Иванов Б.В. Указ. соч. С. 119.
128. Там же. С. 120.
129. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 69.
130. Там же.
131. Дандамаева М.В., Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 26.
132. Там же.
133. Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири. С. 194.
134. Там же. С. 195.
135. Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири. Новосибирск. 1975. С. 188.
136. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 54.
137. Там же.
138. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 140.
139. Там же.
140. Там же. С. 147.
141. Сибирское крестьянство в 1917 -1918 гг. С. 20.
142. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 143.
143. Там же. С. 21.
144. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 56.

145. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 148.
146. Там же. С. 149.
147. Там же.
148. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 56.
149. Там же. С. 57.
150. Там же.
151. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 155.
152. Там же.
153. Там же.
154. Там же. С. 157.
155. Там же.
156. Там же. С. 153.
157. Там же. С. 161.
158. Там же.
159. Там же.
160. Там же. С. 163.
161. Там же.
162. Там же. С. 164.
163. Там же. С. 167.
164. Там же.
165. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 58.
166. Пронин З.И. Скотоводство в Сибири в XIX - начале XX вв. Томск, 1978. С. 125.
167. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 168.
168. Там же.
169. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 243.
170. Там же.
171. Там же. С. 244.
172. Там же. С. 245.

173. Там же.
174. Там же.
175. Там же.
176. Там же.
177. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 118.
178. Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 246.
179. Там же.
180. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 120.
181. Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 247.
182. Там же.
183. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 61.
184. Там же.
185. Там же.
186. Там же.
187. Там же.
188. Там же. С. 62.
189. Там же.
190. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма.
С.213.
190. Там же. С. 214.
192. Там же. С, 215.
193. Там же. С. 216.
194. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 76.
195. Там же.
196. Там же.
197. Там же.
198. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма.
С, 217.
199. Там же.
200. Там же. С.229.

201. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 77.
202. Там же. С. 78.
203. Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 248.
204. Там же. С. 157-167.
205. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма. С. 59.
206. Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 148.
207. Там же.
208. Там же. С. 149.
209. Там же.
210. Иванцова Н.Ф. Указ. соч. С. 72.
211. Там же.
212. Там же.
213. Там же.
214. Там же.
215. Там же.
216. Там же. С. 73.
217. Там же.
218. Там же.
219. Там же.
220. Там же.
221. Там же. С. 74.